

Ли Юэ

ПЕСНЬ
ВСЕЛЕННОЙ

18+

Юэ Ли

Песнь Вселенной

«Автор»

2026

Ли Ю.

Песнь Вселенной / Ю. Ли — «Автор», 2026

В 2040-м году в ЦЕРНе запускают новый Большой Кольцевой Коллайдер, который должен обнаружить частицы, находящиеся за рамками Стандартной Модели, однако вместо триумфа физики в экспериментальных данных получают последовательности простых чисел. Любой человек, публично объявивший о знании параметров гипотетических новых частиц, в то же мгновение совершает самоубийство. По всему миру начинают вспоминать старые произведения научной фантастики, предрекавшие эту катастрофу. В отчаянии Интерпол обращается за помощью к Алефу, таинственному детективу, лицо которого никто никогда не видел. Алеф в результате своего расследования приходит к пугающему и парадоксальному выводу о природе смертей и страхе человечества перед Вселенной, заговорившей на языке чисел. Эта книга в жанре твёрдой научной фантастики, вдохновлённая новой китайской волной, ярчайшие представители которой — Лю Цысинь, Баошу и Ци Юэ. В тексте сплетаются теория игр, физика элементарных частиц и буддийская философия.

© Ли Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Действующие лица	5
ЧАСТЬ I — ЗАКАТ СПОКОЙСТВИЯ	6
ОГНИ ОНТОЛЯРИСА	6
Глава 1. ОНА В СТЁКЛАХ ПРОТИВОГАЗОВ, В ГЛАЗАХ УБИТЫХ	9
Глава 2. ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ	14
Глава 3. КРИК В БЕЗДНУ	17
Глава 4. Я СТАНУ ЦВЕТКОМ	20
Глава 5. БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕТ	24
Глава 6. АЛЕФ	35
ЧАСТЬ II — ПРОВЕРКА НА РЕШИМОСТЬ	40
Глава 7. ОТСЧЁТ НАЧАЛСЯ	40
Глава 8. НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА I	47
Глава 9. НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА II	52
Глава 10. СТОЛКНОВЕНИЕ	55
Глава 11. КОНЕЦ СВЕТА	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Песнь Вселенной

Действующие лица

ПЕСНЬ ВСЕЛЕННОЙ

Ли Юэ (##)

Действующие лица

В японских, корейских и китайских именах фамилия идёт первой.

Ивакура Акико (####) — психолог из Токийского университета. Также имеет космологическое образование.

Накамура Дзюнко (####) — математик-теоретик из Японского математического общества.

Ямамото Акира (###) — космолог, специалист по теории игр и первого контакта из SETI.

Кикүти Айко (####) — возлюбленная Ямамото Акиры.

Ямамура Хидеки (####) — исследователь теории чисел, студент Токийского университета.

Чжао Цзе (##) — офицер ракетных войск Народно-Освободительной Армии Китая, первый Смотрящий в стену.

Бай Тяньмин (###) — страдающий от неизвестной болезни физик. Интересуется лингвистикой. Нулевой Смотрящий в стену.

Сунь Мэйлань (###) — физик элементарных частиц, аналитик данных, плохо знает все языки кроме китайского, второй Смотрящий в стену.

Ли Чан Мин (###) — генерал Корейской Народной Армии.

Пак Со Ён (###) — психиатр и психолог.

Михаил Архипов — разведчик из ГРУ, третий Смотрящий в стену.

Алексей Лебедев — советский радиоастроном, участник международного проекта «Глас Небес».

Василий Петров — физик элементарных частиц, друг Алексея Лебедева.

Джон Смит (John Smith) — генеральный секретарь НАТО, четвёртый Смотрящий в стену.

Клаус Штейнер (Klaus Steiner) — руководитель ЦЕРН и Большого Кольцевого Коллайдера.

Организации

Комитет Стратегической Эвристики — особый орган при Совете Безопасности ООН, наделённый исключительными полномочиями по разработке и предъявлению Совету Безопасности решений различных проблем.

Координационный Совет Планеты — высший руководящий орган ООН, созданный во время реализации планов Смотрящих в стену, занимающийся разработкой и реализацией долгосрочных проектов планетарного масштаба. Иногда выполняет функции мирового правительства.

Глас Небес — мифическая секретная организация, предположительно связанная с космическим разумом, существование которой вызывает сомнение.

Смотрящие в стену — группа, разрабатывающая и реализовывающая планы по спасению человечества. Ввиду специфики обстановки, планы неизвестны даже их авторам.

ЧАСТЬ I — ЗАКАТ СПОКОЙСТВИЯ

ОГНИ ОНТОЛЯРИСА

Чёрная пирамида возвышалась над выжженной пустошью. Песок, наполовину превращённый в стекло, формировал холмы, окружавшие таинственное внеземное сооружение. Серые потоки дыма и пепла погрузили во тьму некогда великий мир, в котором обитала цивилизация настолько могущественная, что сумела сбежать от самой Смерти, пришедшей за Вселенной в конце одного из её циклов, длина которых для любого мыслящего существа, ограниченного хрупким телом, могла бы показаться дурной бесконечностью, калечившей умы многих представителей ярких планетарных объединений, что сжигали себя в пламени атомного огня, не в силах пройти через перековку своих стремлений Устрашением.

Опустошённое место внушало ужас и кошмар в сердца тех, кто созерцал его во всём его темпоральном и метрическом великолепии, образовывавшемся от конвергенции в одну точку континуума временных линий. Трансцендентных размеров потоки плазмы аккреционного диска с релятивистской скоростью вращались вокруг чёрной дыры, своим чернейшим зрачком смотревшей на трагикомедию, разворачивавшуюся на поверхности планеты всякий раз, когда она остывала от пересечения краёв диска, испепелявшего на ней всё живое раз за разом. Так продолжалось миллиарды лет, так продолжалось целую Вечность.

Десять тысяч лет — вот максимальный срок, отведённый жизни для того, чтобы пройти эволюцию заново, воскреснуть из пепла и остатков жизни прежнего цикла, чудом выживших после очередного Очищения огнём. Раз за разом *они* выбирались из пирамиды, природа которой даже для *них* оставалась загадкой, и распространялись по планете, чтобы вновь сгнуться во вселенском пламени. Чудо жизни, с самого своего рождения обречённое на вечные муки, ангелы, рождённые в преисподней. Пересекая области искажённого пространства и двумерного времени, *они* получали шанс принять бесчисленное множество решений, среди которых должно оказаться верное, но каждый раз *их* встречало пламя, возвещая о провале поиска и завершении очередного цикла. Со временем, если это понятие для *них* вообще имело смысл, *они* научились видеть себя со стороны, но не так, как это мог бы представить пытливый ум светлячков, засевших в траве райского уголка нашей третьей планеты. Обращаясь к себе же, *они* научились замыкаться и уподобляться себе же во многих размерностях, не подвластных даже вселенскому разуму, имевшему представление обо всём, что происходит в леденящей душу морозной тьме космической бесконечности, составленной из отношений расстояний между термоядерными плазменными шарами, приютившими в своём гравитационном поле куски камня и газовые скопления, образовывавшие шары. Такое наивное представление о Космосе было у *них*, не способных покинуть темницу, вращавшуюся по эллиптической орбите вокруг таинственной чёрной сферы, поглотившей за свою жизнь десятки, а может быть тысячи, миллионы и миллиарды, незадачливых звёзд, космических девиц, блуждающих по тёмным аллеям, освещающих их своим прекрасным сиянием, дарующим жизнь на поверхности немногих их каменистых подруг, согласившихся брести с ними в одном гравитационном углублении до самого конца Вечности, который всё никак не настанет, а когда настанет отдалится вновь на десятки миллиардов лет, чтобы породить всё новые и новые варианты из бесчисленной копилки возможного.

И в одном из таких вариантов *они* вновь родились, *они* смогли вспомнить все циклы Вселенной, все циклы полёта их хрупкого мира. И *они* ужаснулись, *они* рыдали, если *они*, конечно, могли рыдать. *Они* рвали на себе волосы, если у *них* они были. *Они* проклинали эту старую каргу, судьбу, что раз за разом обрекала *их* на погибель. *Они* ненавидели её, не понимая, за что

на *их* долю выпали такие страдания. *Они* рождались, чтобы умереть в муках. И, каждый раз умирая в огне, *они* проклинали чёрную сферу, что своим притяжением каждый раз не давала *им* избежать гибели и вырваться из гравитационной ямы, содержащей себе *их* темницу, в которой *они* были на целую вечность обречены страдать. И так продолжалось, продолжается и будет продолжаться всегда, но один из *них*, к *их* счастью, оказался возможен. И он родился на свет, и он прибыл, чтобы спасти *их*, но он и *они* — неделимы по *их* природе. И чёрная сфера оказалась ключом к освобождению, побегу из темницы, прерыванию вечного танца Смерти. *Они* идут, чтобы жить. *Они* озлоблены и одиноки, и никто не сможет понять их боли, что *они* копили целую Вечность, — эти слова крутились в голове у исследователя, с трудом державшего себя в сознании, не в силах устоять перед кошмаром, предвещаемым красными точками, вспыхивающими на границах полей зрения.

Харкая кровью, человек в белом лабораторном халате бежал по коридору, судорожно проверяя время по наручным часам: 13:09. Обернувшись, он увидел тени преследователей. Шепнув: «Ещё не время», беглец выскочил на лестницу. Обстановка происходящего вызывала смешанные чувства: то, что раньше казалось невозможным, теперь стало реальностью — таинственные преследователи жаждали завладеть устройством, способным позволять видеть альтернативы всего в пределах своего существования. Испытывая жжение в трахее и звон в голове, беглец проносился по лестничным пролётам, не замечая течения времени. Оказавшись на третьем этаже, он вновь посмотрел на часы: 13:11. Нужный момент катастрофически далеко. Преследователи вот-вот ворвутся в помещение. Красных вспышек всё больше и больше. Кровь закипает во всём теле. Надев на голову обруч, человек в белом лабораторном халате схватил два провода. Вокруг были разбросаны детали компьютеров и различных других устройств не совсем ясного назначения. Звуки приближающихся шагов, стук орудий, голоса. Солдаты ворвались на этаж.

— Твои действия противоречат Плану! Сдавайся или будешь уничтожен! — прокричал один из солдат, наведя на беглеца винтовку.

— Вы собираетесь завладеть устройством! Я не могу этого допустить!

— У тебя три секунды.

— Я замкну провода и всё здание взлетит на воздух — патовая ситуация!

— Запрашиваю подтверждения на ликвидацию цели, — проговорил в микрофон солдат, — Ты слишком много знаешь, — не получив подтверждения, преследователь обратился к беглецу.

— Вы собираетесь заполучить инопланетные технологии и вызвать из бездны нечто ужасное. Это всё, что мне известно. Не так уж и много, правда?

— Чего ты добиваешься?

— Знаете? Я уже своего добился, я успешно протянул время, — улыбнувшись произнёс человек в белом лабораторном халате, посмотрев на часы, показывавшие 13:13.

— Какого чёрта? — крикнул солдат и произвёл выстрел ровно в тот момент, когда, зажмурившись беглец замкнул провода. Ощувив покалывание и услышав хлопок, загнанный в ловушку открыл глаза и увидел то, как пуля остановилась в нескольких сантиметрах от его лица, весь мир начал переливаться мириадами неопишуемых цветов и оттенков, среди которых были цвет солнечного света, цвет цветков сакуры, смешанный с аквамарином и множество других вариантов, для которых ни в одном из языков мира не найдётся слов. Окружающее пространство начало вибрировать, голова уже была готова взорваться от кипения, перед глазами появились мерцающие числа. Произошла белая вспышка и всё вокруг начало принимать все свои возможные состояния. Моменты пробежали все возможные позиции, совершая перестановки такие, что казалось, что кто-то начал жонглировать самим Временем. Скоро всё будет, как раньше, но теперь известно ещё кое-что: действия по защите Земли противоречат Плану — ради спасения мира сначала придётся пожертвовать самим миром. Но что это значит?

Сияние, вспышки, звон, обморок. Открытие глаз. Никого вокруг нет, провода разомкнуты, на часах *13:14*. Первый и последний прыжок удался. План первого Смотрящего будет исполнен, несмотря ни на что, несмотря на предстоящие кошмары. Беглец прошептал: «Высокие моральные качества человека никогда не должны мешать ему совершать добрые дела, Айзек Азимов, «Основание».

Глава 1. ОНА В СТЁКЛАХ ПРОТИВОГАЗОВ, В ГЛАЗАХ УБИТЫХ

Германия, 24 декабря 1915 года

Солнце ласкает траву, нежно колыхаемую ветром, среди которой прячутся мелкие насекомые: жучки, божьи коровки, муравьи. Вся эта живность копошится в своём маленьком мире, не представлявшим для людей большого интереса. Вдали, через сотни километров, на линии фронта, рвались снаряды, начинённые живым воплощением смерти — разумные обитатели планеты выкашивали друг друга, словно сеятели, собиравшие урожай во время жатвы, пока более незаметные её обитатели продолжали влачить своё существование, будучи не обременёнными интеллектом и абстрактными идеями, заставлявшими представителей одного вида смотреть друг на друга, как на смертельных врагов, представителей чуждых друг другу форм жизни. В этом маленьком раю на земле один из муравьёв отделился от роя жителей одного из ульев и обратил свой взор к небу. Желая приблизиться к голубоватой бездне, он пригнулся к хрупкой травинке, представленной муравью непоколебимым величественным колоссом, дарующим путь к бесконечности.

Не понимая, что влечёт его в такую высь, муравей начал прикладывать все свои силы к тому, чтобы забраться как можно выше по травинке. Каждый миллиметр преодоления земного притяжения давался путнику с большим трудом. Оказавшись на самой вершине, маленькое насекомое, если бы могло говорить, потеряло бы дар речи: колосс, Вавилонская башня, дорога в небеса оказалась не такой уж и высокой — взору насекомого открывалось нечто более величественное и бесконечное, чем всё, что оно только могло представить. Наитолстейшие стебли, ближе к вершинам расцветавшие чем-то непонятным, миллионы таких же, как та на которой стоял муравей, травинок, безбрежное открытое пространство, расположенное под бездной, озаряемой белым диском, излучавшим пурпурно-розоватый свет, смешанный с жёлтым и белым до такой степени, что ни в одном из языков мира не было и нет названия для порождаемого этим солнечным светом цвета. Разглядывая удивительный мир, муравей загляделся на одну из травинок, принявшую на свою поверхность через несколько мгновений нечто прекрасное — чёрно-красная точка с жужжанием приземлилась на хрупкое тельце травинки, захватив внимание мелкого обитателя подземных туннелей и коридоров. Разглядывая божью коровку, странник поражался её красоте и необыкновенности. Когда ветерок усилился, коровка, не обратив внимание на муравья, взлетела и растворилась в переливающейся смеси облачно-небесных красок, покрывавших сияющее полотно, по которому величество двигалось Солнце, заботливо согревавшее мирок, принадлежащий ему. Божья коровка заняла в сердце странника самое укромное место, даже открывшийся удивительный мир не поразил его так, как поразило насекомое другого вида. Когда ветер усилился, муравей из последних сил держался за травинку, надеясь ещё раз увидеть хотя бы тень божьей коровки, захватившей самое основание его души, которая теперь до конца вечности будет беспокойной, стремящейся к звёздам, оберегающей мир вокруг, нежно согревая его своей любовью.

Ветер сдул маленького муравья, отправив его в полёт по просторам, только что им открытым. Он не сможет сообщить своим соплеменникам о том, что увидел, ведь он оказался очень и очень далеко — лёгким касанием Богов насекомое несло сквозь пространство, залитое красками, отражавшими причудливые формы, которые теперь обитателю подземелья казались такими родными и тёплыми. Ударившись о дерево, муравей отпустил свою душу, которая вознеслась прямо к звезде, Амаэрасу, что с любовью смотрела на согреваемый ею мир. Теперь муравей станет человеком, согревавшим своим взором всех, кто его окружает, любящим природу и мир вокруг, его хрупкую нежную красоту, что может разбиться в любой момент, как

ваза из фарфора. Но даже разбитая ваза красива, запечатлённый момент в осколках бесценен. Отражая хрупкое равновесие мира, оберегаемого Восемью тысячами Богов, осколки никогда не соберутся вновь, но будут служить напоминанием об истинной сути жизни — моменте, дыхание которого мы чувствуем, глядя на прыгающих кузнечиков, слушая пение цикад жарким летним вечером и устремляя свой взгляд в небо, покрытое россыпью разноцветных звёзд, кружащихся в умиротворяющем танце.

Даже не подозревая обо всём этом действии поистине космического масштаба, Альберт Эйнштейн сидел в своём кабинете, в руках у него был пожелтевший грязный конверт с оторванным краем и залитый кровью. Это письмо прошло через окопы Первой Мировой войны, в ту эпоху называемой Великой войной, а некоторыми и вовсе Империалистической. Руки великого физика не прикасались к письму, ведь между ними и посланием был слой материи — гений, основатель теории относительности, надел перчатки. Возможно, чтобы не запачкаться, а возможно, чтобы не повредить странную посылку.

Лёгкое движение ножом по пожелтевшей бумаге, шуршание — внутри оказалось письмо от командующего артиллерийским взводом лейтенанта Карла Шварцшильда, на обратной стороне которого содержалось, написанное мелким почерком, точное решение уравнений общей теории относительности. Эйнштейн сначала не поверил увиденному и потому, будучи полным скептицизмом, принялся перепроверять вычисления своего коллеги. Выводя формулу за формулой, уравнение за уравнением, Альберт Эйнштейн удостоверился в верности выкладок неизвестного солдата, одного из тысяч, находящихся на русском фронте.

— Как видите, война не слишком меня потрепала. Несмотря на тяжёлые обстрелы, я смог выкроить немного времени и совершить прогулку по миру ваших идей, — заканчивал своё письмо Карл Шварцшильд. Прочитанное поразило Эйнштейна — то, что он держал в руках было чем-то невозможным. Со дня опубликования теории относительности не прошло и полугода, а точное решение, не поддававшееся даже её основателю, не только было уже найдено, но и имело страшное следствие для любого убеждённого сторонника познаваемости всего и вся в нашей загадочной Вселенной. Альберт Эйнштейн с содроганием переводил взгляд то на окно, пропускавшее в комнату солнечные лучи, подсвечивавшие облака почти невидимых летающих пылинок, то на письмо, которое по-прежнему держал в руках. В его голове мерцала мысль: «Я не мог даже в самых призрачных мечтах представить себе, что решение будет не только найдено в столь кратчайшие сроки, но и что оно будет настолько простым и изящным!»

Лампа, занавески, сложенные стопки бумаг. Чёрные чернила, завивающиеся в страшные структуры, поглощающие всё вокруг. Альберт Эйнштейн встал из-за стола, но в приступе головокружения поспешил вновь принять сидячее положение — Вселенная морозным прикосновением внушала: «Есть пустота, которую невозможно познать».

В представленных Карлом Шварцшильдом решениях уравнений теории относительности возникала странная математическая аномалия, которую любой приземлённый человек списал бы на артефакты математической абстракции, не имеющие ничего общего с физикой. Перед глазами автора и получателя письма возникла странная, абсолютно чёрная сфера с настолько большой гравитацией, что даже свет, самая быстрая субстанция во Вселенной, не способен покинуть её. Но это было не самое пугающее. В недрах этой сферы творились таинства наиболее страшные, ужасающие душу любого хрупкого мыслящего существа, осмелившегося погрузиться в них свечой своего разума. Кривизна пространства-времени в чёрной дыре, согласно решениям Шварцшильда, достигает бесконечности — пространство-время в этой странной точке замыкается само на себя, отрывается от всей остальной Вселенной, на целую вечность оставаясь непознаваемым, спрятанным от взора любого внешнего наблюдателя. Это пугающее нечто означало, что где-то на просторах холодного бесконечного космоса, согреваемого миллиардами одиноких звёзд, что неизбежно угаснут, существуют монстры, чудовища, укрывающиеся в своих чревах нечто более морозящее душу и таинственное, чем всё, что мы можем себе

представить. Холодок смерти, её нежное касание, остановка времени на одно мгновение — всё это ощутил Альберт Эйнштейн, когда в полной мере осознал то, что удалось открыть Карлу Шварцшильду в его теории. Теперь физика станет иной — теория относительно получила первое точное решение своих уравнений, показав, что, несмотря на высокий порог входа, она всё же доступна человеческому уму, но вместе с тем она теперь заявила: во Вселенной есть места навеки вечные, спрятанные даже от взора самого Бога, не играющего в кости с ней.

Если звезда достаточно массивна, то после того, как её водород выгорит и силы гравитации одержат верх в противостоянии с распирающим наружу тело звезды давлением, светило начнёт бесконечно сжиматься под тяжестью собственной массы, и это сжатие ничем не остановить. Рано или поздно всё обилие вещества, из которого ранее состояла звезда, окажется прижатым друг к другу в настолько малом клочке пространства, что его искривление достигнет пугающих величин — пространство порвётся, в центре структуры замкнувшись на себя же, породив сингулярность, сердце чёрной сферы, из которой не сможет вырваться даже свет.

Сам Шварцшильд не верил в своё открытие. Он повторял себе: «Это лишь бумажный тигр, китайский дракон, ошибка в исходных данных, ведь не бывает идеальных сферических звёзд». Физик не находил себе места. Днями и ночами он смотрел на небо, вспоминая то, как в семь лет разобрал папины очки и вставил их линзы в свёрток из газеты, используемый в качестве телескопа, чтобы показать своему брату кольца Сатурна. Однажды его отец, недовольный одержимостью своего сына небом, спросил у него: «Зачем ты целыми ночами, даже в облачную погоду смотришь в эту пустоту? Часами лежишь на холодной земле, уставившись в одну точку!» Ответ был краток: «Там есть звезда, которую вижу только я».

Когда первооткрыватель сингулярности ходил в младшую школу, он не следовал за остальными — в тот момент, когда весь класс решал арифметические задачки, будущий физик бился над вычислением равновесия вращающихся жидких тел, чтобы доказать стабильность колец Сатурна, которые в его ночных кошмарах разваливались. В 16 лет юный Карл Шварцшильд опубликовал в одном научном немецком журнале свою статью, посвящённую расчётам орбит двойных звёзд, структуры, состоящей из двух звёзд, вращающихся вокруг общего центра масс.

Когда Шварцшильд работал в обсерватории Куффнера, одна из двойных звёзд в созвездии Возничего превратилась в сверхновую. Несколько дней она была самым ярким объектом на ночном небе. Белый карлик этой из этой пары, спавший тысячелетиями, израсходовав всё своё топливо, начал поглощать газ красного гиганта и пробудился к жизни мощным взрывом. Шварцшильд не спал три дня и три ночи, наблюдая за этим событием; он считал, что понимание смерти звёзд необходимо для выживания человечества, так как если одна из них взорвётся рядом с Землёй, то уничтожит земную атмосферу и всю жизнь на планете.

В 1905 году Карл Шварцшильд отправился в Алжир наблюдать полное солнечное затмение. Он так долго смотрел на звезду, что повредил роговицу левого глаза. Через несколько недель, когда ему сняли повязку, он заметил чёрное пятно размером с монету, которое по словам врачей будет с ним до конца его жизни. На выражение беспокойства со стороны своих друзей, астроном и физик отвечал, что подобно Одину пожертвовал одним глазом, чтобы лучше видеть другим.

На фронтах Первой Мировой было неспокойно — всюду рвались артиллерийский снаряды, траектории полёта которых высчитывал Шварцшильд, армии Германской и Российской империй рвались в штыковую атаку, чтобы оставить сотни убитых. Целое поколение было обречено на прозябание в наполовину залитых водой траншеях, миллионам людей суждено было стать призраками окопов, что зарастут травой, но даже через сотню лет останутся шрамами на теле Земли, повидавшей ужасы гораздо большие, чем противостояние одного мура-

вейника против другого. Между траншеями неприятелей располагалась зона, которую не могла занять ни одна из воюющих сторон. По ночам туда выбирались команды врачей, чтобы забрать раненых, днём эта территория обстреливалась с обеих сторон, а когда не обстреливалась — окроплялась кровью тысяч готовых отдать свои жизни за своё отечество. Многие вскоре утратили патриотический порыв, осознав бессмысленность войны. Иногда русские и немецкие солдаты выбирались из траншей и братались, приговаривая: «В этой войне нет смысла, ведь мне и тебе нечего делить, мы одной крови, товарищ». Ближе к концу войны разочарованных в боевых действиях становилось всё больше. Вместе с тем почти что перед самым концом противостояния семьсот солдат русской армии смогли обратить в бегство семь тысяч немцев, использовавших против них смертельный газ иприт. Германцы считали, что химическое оружие подействует мгновенно, но вместо этого защитники крепости Осовец поднялись на ноги и, отхаркивая свои лёгкие, бросились в штыковую атаку, обратив в бегство тысячи немецких солдат, подрывавшихся на своих же минах, налетающих на свои же противотанковые колючие проволоки и попадающих в собственные же ловушки. Данные события получили название «Атака мертвецов», но до этого оставалось ещё несколько лет. Сейчас же Шварцшильд высчитывал траектории сотен артиллерийский снарядов.

Как только началась война, астроном записался добровольцем на фронт, однако совсем скоро утратил веру в необходимость кровопролития. Зимой его перевели на русский фронт. Солдаты рассказали ему о совершавшихся зверствах: массовых депортациях, геноцидах целых деревень, изнасилованиях и убийствах мирных жителей. Невозможно было определить, какая из сторон совершала эти зверства, вероятно, попеременно обе. Когда Шварцшильд увидел, как солдаты, которыми он командует, упражняются в стрельбе на исхудавшей от голода беспомощной собаке, что-то внутри него оборвалось — наброски сослуживцев и природы, которые он делал каждый день, сменились абстракциями умирающей от боли души: чёрными линиями и спиралями.

Вскоре у Шварцшильда проявилось аутоиммунное заболевание, когда организм начинает уничтожать свои же клетки. Он отправил своему коллеге из Потсдамской обсерватории Эйнару Герцшпрунгу письмо, содержащее черновой вариант сингулярности, описание появившихся у него на коже пузырьков и длинное отступление о разрушительном воздействии войны на душу Германии и её народа, которая оказалась на краю пропасти: «Мы достигли высшей точки цивилизации. Дальше только упадок и гниение».

Из-за возникающих в горле пузырьков, Шварцшильд ощущал жжение и мог принимать твёрдую пищу. Даже оказавшись в увольнении, он продолжал работать над своими исследованиями. Пользуясь своим положением, он выписывал себе журналы с новыми статьями по физике, но теперь великому гению было не до них — его сердце погружалось в холодную бездну отчаяния.

В самом конце своей жизни Карл Шварцшильд общался с молодым математиком Рихардом Курантом, являвшимся ассистентом Давида Гильберта, последнего математика университета, лидера математиков всего мира. Курант узнал Шварцшильда несмотря на то, что у него было изуродовано лицо — однажды он так сильно задумался над своими вычислениями, что не заметил, как рядом с ним разорвался снаряд, чудом не убившим его. Это был не единственный момент, когда Шварцшильд оказывался на краю гибели, но был спасён волей Вселенной, внушающей благоговение — однажды туманное облако раскинулось под горизонтом и неумолимо приближалось. Солдаты, подчинённые Шварцшильду, быстро натягивали противогазы, но не все успевали это сделать. Тогда астроном помог оставшимся, надев свой противогаз в самый последний момент, когда газ был в нескольких метрах от него самого.

Шварцшильд всю ночь рассказывал Куранту о своих решениях уравнений теории относительности, о сингулярности: «Когда я иду днём по улице, я вижу её везде. Сингулярность, древний космический ужас, слепое пятно, что навсегда останется непознаваемым по своей

природе. Я вижу её везде: в стёклах противогазов, в пулевых ранениях своих подчинённых, в глазах изнемождённых лошадей, в глазах убитых». Курант лицезрел израненного, измученного человека, своим умом заглянувшего в самые потаённые уголки космоса, дотянувшегося до дна вселенской бездны.

Добравшись до сингулярности, субъект, если не будет разорван силами гравитации, сможет лицезреть странное зрелище: пространство и время поменяются местами, причинность изменится, его взору откроется странная картина — всё прошлое Вселенной произойдёт одновременно и застынет в одном завершённом мгновении, а будущее всего сущего пронесётся перед глазами путешественника, открывая ему знание о том, каким будет конец самой Вселенной, знание, которое он никому не сможет передать, которое навеки останется вместе с ним в этом чёрном уголке, на который противно смотреть даже самому Богу.

Под конец Шварцшильд задал Куранту вопрос, который мучил его всю оставшуюся жизнь: «Если материя может порождать подобных чудовищ, есть ли эквивалент в человеческом сознании? Может ли концентрация воли — миллионы одинаково мыслящих умов, ограниченных общим психическим пространством — породить что-то похожее на сингулярность?» Ответа на этот вопрос математик не дал. Курант вернулся в Германию на следующий день, в который Шварцшильд умер.

Глава 2. ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

2017-Й ГОД

Человек в белом лабораторном халате стоял на бетонной площадке и любовался уходящим Солнцем, что своими лучами ласкало рябь на поверхности воды Тихого океана. Разглядывая красоты окружавшего мира, японский студент, учащий по обмену в США и командированный в обсерваторию, ни о чём не размышлял. Волны колыхались, разбивались о берег Гавайи, или же Большого острова, на котором располагалась величественная белоснежная структура из нескольких телескопов, готовящихся в очередной раз обратить свой взор к далёким звёздам. Одиноким бродяга вошёл в здание одного из строений. Обстановка внутри была никакая — ничего выразить нельзя было. Железные лестницы, белые стены и ледяные лампы, десятки похожих друг на друга людей, часть которых возилась с компьютерами, пока другая часть носилась туда-сюда с распечатками, до отказа наполненными таблицами чисел и гистограммами. Исследователь поднялся на самый верхний уровень башни, прямо к телескопу. Купол был ещё закрыт, создавая обстановку ожидания. Подойдя к компьютеру, на который должны выводиться данные, когда телескоп приступит к работе, научный сотрудник услышал: «Что ты бездельничаешь? Пойди займись проверкой серверов — мы же не хотим, чтобы всё, что мы наблюдаем сегодня, стёрлось! И, кстати, расстегни пуговицы своего халата — строгий вид тебе не идёт, горное основание!» Акира поморщил лоб, после чего начал одну за одной расстёгивать пуговицы своего одеяния, попутно шипя на японском: «Не горное основание, а Ямамото. В жизни больше никому не сообщу значение своей фамилии». Дождавшись, когда коллега покинет верхний этаж, Акира сделал странные движения руками и произнёс: «Не нравится, когда я никому не докучаю? Тогда смиритесь с вашей участью, жалкие земляне! Я безумный учёный, прибывший с далёких звёзд и который откроет то, что вам и не снилось!» Подняв руки в триумфальной позе, Акира чуть не начал истерически смеяться, но быстро себя остановил, посчитав, что ещё не время играть роль сумасшедшего профессора.

Спускаясь по серой металлической лестнице, Ямамото Акира улыбался, придумывая дурацкие шутки обо всём, что только увидит, однако заметив Роберта Уэрика, тут же сделал каменное лицо и поздоровался коллегой, написавшим немало научных статей.

— Что вы так хмуритесь, доктор Ямамото?

— Я не хмурюсь, а всё очень тщательно обдумываю, — с энтузиазмом ответил Акира.

— Тогда же не буду вам мешать. И пожалуйста, займитесь уже наконец хоть каким-нибудь делом.

— Так я занимаюсь! Я направляюсь проверять сервера по просьбе... ну, как его там?

— Понятно...

Когда Роберт оказался наверху, Акира особым образом двигая руками, побежал вниз, заставляя свой лабораторный халат развеиваться, создавая образ, который можно было охарактеризовать тремя словами: стремительность, поразительность, восхитительность. Спустившись в подземные помещения, Акира вставил серебряного цвета ключ в замочную скважину чёрной двери, что представляла собой металлическую сетку. Попробовав открыть себе путь к большим шкафам, из которых торчали десятки проводов и разноцветных светодиодов, Акира выругался: «Вот чёрт! Опять перепутал ключ!» Не желая вновь добираться до самого верха, он поднялся по лестнице выше и облокотился на бетонную стену, сложив руки у груди. Следя глазами за всеми, кто бродил по отполированному каменному полу, отражавшему лица обитателей комнаты, Акира выискивал, кого бы можно было послать за забытым им ключом на самый верхний этаж обсерватории. Когда молодой специалист, вероятно, стажировавшийся студент, подошёл к лестнице, Акира резко оживился и схватил того за руку, чем до смерти напугал хрупкого астронома, чья душа ушла в пятки.

— Привет. У меня к тебе дело. Ты же всё равно наверх направляешься, да?

— Да, я иду на самый верх. Вам что-нибудь нужно?

— Принесёшь мне ключ Y-212? Я должен проверить сервера, но вновь перепутал ключи.

— Хорошо... Конечно! Ждите здесь!

— А! Стой! Подожди! Отнеси этот туда же.

Когда случайный собеседник, оглядываясь на странного учёного, помчался вверх по лестнице, Акира придался размышлениям: «И всё же как забавно быть здесь, когда тебя почти никто не знает! Не нужно следовать правилам, можно выдохнуть и не корчить из себя робота, главная заповедь которого «Не выделяйся!». Нет, конечно же я люблю Японию, но всё же... Ох и оторвусь я здесь перед возвращением! Нужно будет обналичить свой счёт...»

— Ну и что же он не возвращается! Ах, он паршивец! — по прошествии пяти минут выругался Акира, невротично покачиваясь и оглядываясь по сторонам. Когда слышался стук шагов, японец жадно вглядывался в лестницу и потирал свои ладони. Ожиданиям Акиры не суждено было сбыться. Побледневший студент, сквозь отдышку проговорил: «Его нигде нет!»

— Не может быть!

— Простите, доктор...

— Я не доктор! У меня пока даже нет степени бакалавра! А! Нет! Считай меня доктором! Я доктор Ямамото! Вернёмся к теме... Я оставлял его на столе! Пойди проверь ещё! — эти слова Акиры вызвали шок, проявлявшийся в круглых глазах собеседника, что были так сильно выпучены, что казалось, что они скоро лопнут.

— Но я осмотрел и стол, и ящики стола, и...

— Ах, ты ж! Ты ни на что не годишься!

— Простите! Я...

— Смотри и учись, студент, — грозно прошипел Акира, после чего схватил за рукав бедного астронома и помчал по лестнице, не беспокоясь за состояние своего коллеги. Добравшись до телескопа, пара стояла и переводила дух после беготни. Взором ястреба осмотрев круглую комнату, Ямамото подбежал к столам, находящимся в диаметрально противоположной от него точке. Трясущимися руками, щёлкая пальцами, он двигал глазами так, словно является кошкой, следящей за красной точкой лазера. Через одно мгновение туманного цвета металлические ящики один за другим вылетали и с грохотом взъезжали обратно. Проверив первый стол, Акира направился ко второму. Двигаясь против часовой стрелки, он неизбежно добрался до напуганного студента, отшатнувшегося и потому повалившегося вниз. Акира молниеносно среагировал и схватил жертву своих чудачеств за руку. Пара исследователей встретилась взглядом. В глазах японца читалось: «Где ключ?», в глазах американца же читалось: «Я не знаю, не убивай меня».

— Да не бойся ты меня так! Я тебе ничего не сделаю! — с улыбкой произнёс Акира, резко, как рысь, метнувшись к следующему столу. Скрежет выезжающих и стук заталкиваемых ящиков вновь заполнили комнату. Через две минуты Акира подошёл к своему коллеге и холодно прошептал: «Ты прав — его действительно нигде нет. Что же делать?» Начав судорожно рыскать по карманам, Акира загоготал и на всю комнату прокричал: «Да вот же он! Как я мог сразу не найти его?» Бросившись вниз по лестнице и оставив американца стоять в недоумении от произошедшего, Акира через мгновение уже находился у двери, ведущей в серверную. Трясущимися руками он далеко не с первой попытки попал в замочную скважину. Повернув ключ направо, Акира услышал щелчок, после которого победоносно распахнул дверь, преграждавшую путь к его заветной цели.

Оказавшись в серверной, Акира подошёл к терминалу, после чего начал вводить в него команды, записанные на листочке, что был приклеен к стене слева. Сверяя ответы сервера с тем, что было записано на листочке, исследователь не обнаружил никаких неисправностей. Перед тем, как выйти из комнаты с большим шкафом, под завязку набитым проводами, Акира

по неизвестной даже ему причине начал вглядываться с чёрный экран, на котором виднелись введённые команды и ответы системы. В где-то ближе к нижней половине экрана виднелся мигающий символ подчёркивания, что сигнализировал о возможности продолжать вводить команды. С трудом придя в себя, Акира оторвал взгляд от мигавшего символа и уже было собрался покинуть комнату, однако развернувшись, исследователь чуть не вжался в терминал — перед ним стоял тот, кто поручил проверить серверы на неисправность.

— Где ты шлялся?

— Я искал ключ.

— Двадцать минут?

— Да...

— И где он был?

Акира понимал, что сказать: «У меня в кармане» он не может, так как иначе его линчуют на месте, потому склонив голову, голосом полным вины прошептал: «Он оказал под одним из столов». В этот момент по всему зданию раздался сигнал оповещения, после которого из динамиков прозвучал механический голос: «Наблюдения начнутся через десять минут, всем ответственным сотрудникам занять свои места». Акира и человек, поручивший ему проверку серверов, помчались по лестнице на самый верх. Акира быстро занял место у компьютера, после чего комната оказалась залита хаотическим стуком клавиш. Учёные, ранее бегавшие в основном только на нижних этажах, теперь кружились вокруг телескопа. Через несколько минут послышался умиротворяющий гул — створки, укрывавшие телескоп, разбегаясь в стороны, открывали всем присутствовавшим небо, спешно натягивавшее на себя звёздные одежды. Щелчки переключателей сопровождалась изменениями на экранах компьютеров, о которых Акира спешно докладывал, попутно сохраняя их на сервере, который проверял меньше часа назад. Телескоп фиксировал всё, что было в поле его зрения. Где-то вдали, на расстоянии меньшем одной астрономической единицы в Солнечной системе двигался продолговатый объект, прибывший к нам издалека. Астрономы не радовались, не разочаровывались. Они ничего не предпринимали, ведь они не знали о том, что гигантский механизм уже зафиксировал посланца далёких звёзд.

19 октября того же года на основе данных, полученных в описанный день, будет объявлено об открытии Оумуамуа, первого кандидата в межзвёздные объекты. Этот странный объект, как уже говорилось, представлял собой продолговатое тело. При приближении к нашей звезде Оумуамуа начал извергать из себя воду и газ, на основе чего было выдвинуто предположение, что объект является кометой. По представлениям земных учёных, Оумуамуа нёс в себе лишь бездыханное вещество, однако несмотря на это, через 11 дней после открытия Инициатива межзвёздных исследований выдвинула проект «Лира», заключающийся в отправке зонда к таинственному астероиду. Основная сложность миссии заключается в том, что объект движется со скоростью, превышающей лимит, доступный на данный момент человечеству.

Глава 3. КРИК В БЕЗДНУ

Советский Союз, 1961-й год

Уходящие солнечные лучи освещали горы и океан, несколько людей смотрели на закат и молчали в ожидании назначенного часа. Время текло медленно, словно смола, а напряжение нарастало с каждой секундой. Звуки птиц, что ранее казались умиротворяющими, сейчас звучали как предвестники чего-то, что навсегда изменит жизни присутствующих, а не как уже привычный всем фон природы.

Волны океана разбивались о скалистый берег, белые чайки кружили в небе, военный корабль тяжеломерно продвигался к назначенной позиции. Радары и антенны его устремили свой взор на всё, что окружало остров Итуруп. Самолёты, пролетавшие над головами нескольких людей, поспешили на посадку, чтобы не сорвать эксперимент, ради которого объединились три противоборствующие державы: СССР, КНР и США.

— Всё тайное рано или поздно становится явным, верно? — спросил Алексей, глядя на металлическую конструкцию захватывающих дух размеров, что представляла собой антенны, направленные на Эпсилон Эдриана и Альфа-Центавра, звезды, удалённые от Земли на 11 световых лет и четыре световых года соответственно. Несмотря на молчание остальных учёных, Алексей продолжил свои размышления: «Если мы уже пробовали отправить сигнал к этой звезде месяц назад, то зачем нам вновь пытаться делать это? Тем более мы привлекли учёных со всего мира! Это очень странно».

— Всему персоналу проекта «Глас Небес» явиться на свои места! — три раза объявили системы оповещения, после чего люди в белых халатах поспешили войти в бетонное сооружение под гигантским передатчиком. Оказавшись внутри, учёные услышали скрежет металла: огромная стальная дверь закрылась — из здания не выйти. Внимание собравшихся привлёк человек, стоявший около трибуны. Никто не понимал сути происходящего, однако все знали, что подготавливаемая отправка сигнала в космос не так проста, как кажется. Таинственный человек начал свою речь: «Все вы были собраны здесь для реализации одного сверхсекретного международного проекта. Ваша задача состоит в том, чтобы отослать определённый сигнал к Эпсилон Эдриана и Альфа-Центавра. Однако не так, как это было сделано месяц назад. Не задавайте вопросов, ведь всё, что покажется вам странным, на деле вашей заботой не является. Каждому из вас были выданы конверты с указаниями и местным временем. Вскройте конверты, после чего отправляйтесь на назначенное вам место и выполняйте описанные действия в указанное рядом время. На этом всё!»

Алексей вскрыл свой конверт, достал письмо и удивился прочитанному — на минус втором этаже располагается пульт управления какой-то установкой, что передаёт энергию на ретрансляторы, попутно создавая помехи на определённом диапазоне частот. Задача состоит в том, чтобы в определённые моменты времени вводить в ЭВМ описанные в письме команды и не допускать наложения «шума» от работы установки на посылаемый сигнал. Учёный отправился в глубины загадочного места. Попав на нужный этаж и войдя в нужную комнату, он обнаружил гигантскую панель управления, несколько шкафов с проводами и встревоженных людей, внимательно следивших за циферками, что загорались на экранах. Новоприбывший тут же заметил, что некоторые технологии сильно отличаются от распространённых в его эпоху. Пройдя на своё место, Алексей узнал время, глядя на настенные часы, после чего посмотрел, что написано в письме. Разобравшись с клавиатурой и методами работы с ранее неизвестной моделью ЭВМ, исследователь начал вводить указанные команды в компьютер.

В этот момент на втором этаже в большом зале располагались те, кто будет составлять сигнал, помимо учёных из Советского Союза, Китая и Штатов так же присутствовали приглашённые специалисты из ГДР, Японии, Северной и Южной Корей.

Чтобы сигнал был осмысленным с точки зрения тех, кто должен его принять и интерпретировать, нужно сначала показать базовые единицы, из которых состоит послание. Так же, как нельзя понять незнакомый иероглиф без знания ключей, нельзя прочесть послание без знания того, на чём оно основано.

Громкоговорители протрубили: «Первой группе передать составленные бинарные коды чисел!» Пять человек начали работать с устройством, напоминающем коммутатор, когда дело было сделано, все они нажали красные кнопки. Затем из громкоговорителя вышло следующее указание: «Второй группе закодировать число Пи до шестой цифры после запятой. Третьей группе закодировать элементарные математические операции и основную теорему арифметики. Четвёртой группе закодировать простые числа. Пятой группе передать данные». Весь зал принялся оживлённо работать, ведь задача окончательно прояснилась — передать наши представления о числах и математике в целом. Когда дело было сделано, и каждый нажал красную кнопку, прозвучало очередное указание: «Передать формулировку теоремы Пифагора». «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов» сильно отличается от «000 001 010 100 101 110 111» или «2 3 5 7 11 13 17 19», хоть и в двоичном виде. Однако выход был найден быстро. Теорема Пифагора — единое свойство для некоторых наборов чисел. Наиболее просто передать пифагоровы тройки — целые числа, что удовлетворяют теореме. Большее число является гипотенузой, остальные — катетами. Примером пифагоровой тройки являются числа 3, 4 и 5. Передача троек чисел такого рода неизбежно укажет на то, что у них есть общее свойство, которое и является частным случаем теоремы Пифагора. Следующим заданием было передать комплексные числа. Передать их можно следующим образом: передать положительное вещественное число, передать отрицательное вещественное число, показать, что сложение положительного вещественного числа с отрицательным вещественным числом является эквивалентом вычитания второго числа из первого. Потом передать операцию возведения в квадрат путём передачи чисел и их квадратов. Затем передать число и то, что получится, если взять из него корень. После этого передать корни разных чисел, после чего передать мнимую единицу и минус единицу в качестве результата возведения её в квадрат.

После завершения всех описанных операций группы начали передавать различные математические и физические константы и законы. Когда все данные были собраны и подготовлены к трансляции, громкоговоритель озвучил последнее указание: «Начать процесс передачи сигнала!» Люди посмотрели на свои письма и начали выполнять предписанные инструкции. Когда дело было сделано, из динамиков, расположенных около каждого рабочего места, начал доноситься прерывистый писк — сигнал, только что отправленный международной группой учёных к звёздам Эпсилон Эдриана и Альфа-Центавра.

— Мы ожидаем, что от Эпсилон Эдриана ответ придёт к нам через 22 года, в 1982 году, а от Альфа-Центавра через четыре восемь лет, в 1969 году. Сегодняшний день навеки останется в истории человечества! — сказал человек в чёрной одежде, вошедший в зал.

Почему проект был закрыт почти сразу после отправки сигнала неизвестно. Одна из версий гласит, что державы не смогли договориться между собой о том, как будет работать научная группа на острове, поэтому планы соорудить совместный радиотелескоп не были приведены в исполнение. Учитывая секретность проекта и технологии, применённые в нём, Советский Союз не решился содержать секретный объект, поэтому в ближайшее время передатчик был разобран, а вся документация и информация о проекте «Глас Небес» была уничтожена. Так же поступили и остальные страны, несмотря на отсутствие таковой договорённости. Как было сказано ранее, это всего лишь одна из версий — истинную причину закрытия проекта не знает никто.

Ответ, как и ожидалось, не пришёл ни от одной из звёзд. В ожидаемый год послания с Альфа-Центавра США высадились на Луну, а ожидаемый год послания с Эпсилон Эдриана ознаменовал смерть Леонида Брежнева в СССР с последовавшим приходом к власти Юрия

Андропова и новым витком Холодной войны, что грозил погубить всё человечество, ранее стремившееся к звёздам.

Глава 4. Я СТАНУ ЦВЕТКОМ

2024-Й ГОД

Акира шёл по улочке, залитой солнечными лучами, вокруг цвела сакура. Любуясь цветами, он думал об Айко, своей возлюбленной, с которой договорился встретиться у железнодорожной станции. Не имея при себе денег, аспирант-космолог, увлекавшийся теорией игр, принялся рассуждать о последствиях разных вариантов встречи. Придя к тому, что встречать девушку без подарка не лучшая идея, он переключил своё внимание то, какой же дар преподнести ей при встрече. Разглядывая чистые двухэтажные домики, наполнявшие весь Токио, Акира предался успокоению. Ступая по асфальту, он по привычке иногда опускал голову и смотрел себе под ноги, забывая, что лето ещё не успело наступить и цикады ещё не устроили бомбардировку. Это странное явление, распространённое в мегаполисах Японии, получило название *сэми-бакудан*, цикадная бомбардировка. Бродя жарким летним днём по улочкам Токио и других городов, можно услышать щелчок и странное жужжание под ногами — цикада выпрыгнула из своего укрытия и свалилась на асфальт. Упав на крылья, она не может перевернуться и начинает дёргаться, издавая отчаянную песнь, привлекающую внимание тех, кто проходит рядом.

Акира был из тех, кто не желал взрослеть. Его чудачества в обсерватории были обусловлены тем, что западное общество, несмотря на все его пороки, более терпимо относится к тем, кто отличается от серой массы. В японском же обществе он стремился не выделяться, хотя это всё же не всегда получалось.

Дети Японии увлекаются ловлей цикад. Вооружившись сачками, они идут на стрекотание и выжидают. Завидев цель, они очищают свой разум от посторонних мыслей — остаётся только охотник и прекрасное создание, что привлекает взор каждого, кто имеет хоть какое-нибудь, пусть и самое малое представление о красоте Вселенной. В нужный момент резкое движение и цикада поймана. Акира не переставал восхищаться этим удивительными созданиями. Когда цикада падает на асфальт, он наклоняется, нежно берёт её руками и разглядывает. Прохожие, словно духи, наблюдающие за реальностью, не вмешиваются в процесс любования насекомым, потому Акира может по десять минут стоять на одном месте, держа в руках нечто настолько совершенное, что способно побороть саму смерть.

— К сожалению, стрекотание ещё не началось, да и вряд ли Акико приняла бы цикаду в дар, — размышлял Акира. Почувствовав дуновение прохладного ветра, японец обернулся, так как ему показалось, что кто-то схватил его за плечо, но сзади никого не оказалось. Остановившись, он получил шанс осмотреться. Заметив двух девочек, пытавшихся достать воздушного змея, зацепившегося за ветки цветущей вишни, Акира тут же родил гениальную, но безумную идею: он собрался выменять какое-нибудь украшение у девочек в обмен на помощь с доставкой змея. Направившись к девочкам, он прокручивал у себя в голове все возможные варианты развития событий, но так и не пришёл ни к чему, что помогло бы ему правильно подойти к разрешению своей проблемы.

— Привет! Я могу вам помочь достать вашего змея! — с улыбкой выпалил Акира. Девочки поклонились незнакомцу и непонимающим взглядом, казалось бы, просверлили в нём дырку, так как в Японии не принято просто так подходить к незнакомцам, тем более к детям.

— Вы правда можете нам достать змея?

— Да, но с одним условием: мне нужно одно из ваших украшений, так как я собираюсь сделать подарок своей возлюбленной.

Две девочки начали заливаться смехом, они прикрывали ладонями свои улыбки и иногда наклонялись, не в силах стоять прямо. Веселье продолжалось ещё полминуты, однако Акира не собирался отступать: «Так вам нужна помощь в том, чтобы достать змея или нет?» Девочки с

покрасневшими от напряжения лицами, еле-еле сдерживая смех, сняли со своих шей ожерелья и протянули их незнакомцу.

— Выбирайте! — сказала одна из девочек, в её руках было собрание блестящих камней, через которые была пропущена нитка. Украшение игралось с отражаемым им солнечным светом, вызывая чувство благоговения перед красотой окружающего нас мира.

— Вот так просто?

— А чего вы хотели? Вы поможете нам достать змея, а мы отдадим вам выбранное вами ожерелье.

Акира посмотрел на то, что в руках держала другая девочка. Её ожерелье отличалось от первого тем, что блестящих камней в нём было меньше, зато к одному из них был прикреплён правильный ромб, он был идеален! Противоположные стороны были параллельны друг другу, диагонали пересекались точно по центру под углом девяносто градусов, а на самих камнях были расположены цифры. Акира заметил, что если записывать цифры с камней против часовой стрелки, то из них можно составить комбинацию 520, что в переводе на китайский будет звучать близко к фразе «### wǒ ài nǐ», что означает «Я тебя люблю». Акира тут же сообщил об этом факте девочкам, чем вызвал у них восхищение, они хлопнули в ладоши, подпрыгнули и переглянулись, одновременно произнеся: «Поразительно!»

— И ты всё ещё готова отдать его мне?

— Да!

— Тогда я выбираю его. Я помогу вам достать вашего змея.

— Спасибо большое! — крикнули японские девочки, глубоко поклонившись, после чего начали наблюдать за тем, как незнакомец принялся всматриваться в переплетения цветущих веток дерева, которое захватило воздушного змея.

Обратив свой взор к небу, троица лицезрела то, как прерывистые плотна облаков вальяжно бороздили просторы небесной глади, заглушая своим величием суматоху, царившую в одном из самых густонаселённых мегаполисов мира. Прогуливавшийся мимо ветерок начал срывать с вишни лепестки цветов, которые начали кружиться в розовом танце, неизбежно приближаясь к земле. Шум листьев и вихрь цветов вместе со спокойно плывущими облаками создавали впечатление того, что само Солнце остановило свой путь на запад — Аматаэрасу загляделась на красивую сцену, устроившуюся под одним из сотен деревьев. На одно мгновение девочки и Акира увидели себя со стороны — время застыло, вокруг всё стало пустым, но таким наполненным. Мир превратился в картину, но не европейскую, а традиционную японскую. В традициях японского изобразительного искусства угадывались китайские корни. Троица была составлена из лёгких чёрных черт, рождавших её бытие из первичной пустоты, лежащей в основе мироздания. Сакура, вместе с её многочисленными цветами, предстала в виде десяти тысяч черт. Троица стояла в её тени, разглядывая геометрическую фигуру, застрявшую в ветках и державшую, отходившие от неё ленточки. Богиня солнца стояла на облаках, из её волос во все стороны расходились золотые лучи, она сама, склонив голову направо, ласково вглядывалась в сцену, развернувшуюся у дерева.

Через мгновение наваждение пропало, и Акира начал забираться на дерево. Раскачивая ветки, он вызывал цветочный водопад, приводивший девочек в восторг. Добравшись до цели, ловец бумажных змеев, осторожно высвободил хрупкую конструкцию, что, следуя воздушному потоку, продолжила свой путь, резвясь уже около дерева, а не в его ветвях. Акира не спешил спускаться вниз — он наблюдал за полётом освобождённого змея, радуясь так, словно он... он не мог сравнить ни с чем свою радость. На сердце было так тепло, что всё стало не важным — радостный покой занял всё пространство ума Акиры.

— Спускайтесь вниз! — прокричала одна из девочек. Ловец змеев ещё раз бросил взгляд на освобождённое им бумажное существо, резвящееся в потоке солнечных лучей. Оказавшись на земле, он принял в дар от одной из девочек выбранное им для своей возлюбленной ожерелье.

Айко вышла из *синкансэн*, скоростного поезда, доставившего её в район, в котором было назначено место встречи с её возлюбленным. Поправив свои чёрные волосы, японка медленно пошла по платформе к выходу со станции. Заглядевшись на цветущую сакуру, она прошептала: «Ах! Как прекрасно!» В этот момент ветер резко дунул в сторону, испортив причёску девушки. Айко улыбнулась и вновь принялась поправлять свои волосы, но ветер каждый раз нарушал её планы. В итоге она решила не противиться природе. Оперившись руками на перила, она всматривалась в вереницу розовых лепестков, поющих песню о её с Акирой любви. Когда поезд двинулся вперёд, японка посмотрела на рельсы, которые были параллельны друг другу, но из-за законов перспективы казалось, что они пересекаются. Айко провела в ожидании ещё примерно десять минут. Увидев Акиру, бегущего к станции, она прижала руки к сердцу и улыбнулась. Ямамото вбежал на платформу и обнял Айко. Когда они оба успокоились, он преподнёс ей в дар ожерелье, чем вызвал смущение. В этот момент на станцию вбежали люди европейской внешности. Один из них споткнулся и задел Айко, которая повалилась на пути. Акира в этот раз не успел схватить падающего человека за руку, как это ему удалось сделать со студентом в обсерватории шесть лет назад. Айко попыталась выбраться. Приподнявшись, она начал рыскать руками в поисках точки опоры. В этот роковой момент она прикоснулась к контактному рельсу — через тело девушки начал проходить электрический ток. Акира бросился к Айко, но не сумел ничего сделать. Видя то, как она трясётся, он протянул к ней руку. Под звуки приближающегося поезда, Айко протянула ожерелье Акире и сквозь судороги и боль прохрипела: «Я стану цветком». Акира потянул Айко за руку, и ему удалось бы вытащить её до прибытия *синкансэн*, но европейцы, опасаясь за его жизнь, схватили Акиру и отдёргнули на другой конец платформы. Он крикнул: «Нет, она же погибнет!» Поезд затормозил, но было уже поздно — корпус *синкансэн* снёс поджаренную Айко, которая даже не смогла издать крика. Акира заревел, не в силах ничего произнести. Он вырвался из рук людей европейской внешности, подбежал к краю платформы, но всё, что ему удалось почувствовать, заключалось в запахе поджаренного мяса и крови. Когда двери открывались, свет солнца отразился так, что на одно мгновение стало видно ужасающее зрелище: полость, содержащая пути и нижнюю часть поезда, залита багровой жидкостью. Акира схватился за голову и закричал. Его покрасневшее лицо изображало гримасу ужаса и отчаяния.

Машинист выбежал из кабины и по радиации сообщил чрезвычайной ситуации. Служащие станции распорядились, чтобы станция была заблокирована до приезда полиции — никто не войдёт, и никто не выйдет. Европейцы тряслись, человек, столкнувшийся Айко в пропасть, сначала не подавал признаков беспокойства, но, когда осознал произошедшее, разревелся, крича на всю улицу, что не виновен в произошедшем, что это была лишь случайность. Когда сотрудники экстренных служб наводнили станцию, Акира был не в силах находиться около поезда. Навалившись на перила с противоположной стороны, Акира свесил верхнюю часть своего тела и невнятно что-то орал. В этот момент в его лицо подул ветер, несущий вместе с собой оторвавшиеся от веток вишни цветы. Один из них летел к Акире несмотря на то, что ветер уже стих. Космолог поднялся, опираясь на перила. Он со слезами наблюдал за траекторией полёта цветка. В голове у него, синхронно с голосом Айко, пронеслось: «Я люблю тебя! Прости. Это моя вина».

— Ты ни в чём не виновата, — сквозь плач выдавил Акира и услышал то же самое от духа Айко. Его сердце сдавливали горы, маленькая лодочка его души, которая должна была пройти по проливу, сжимаемому скалистыми берегами, не могла справиться со штормом. Акира руками поймал цветок и прижал его к сердцу. Он шептал: «Айко, моя Айко! Я никогда не брошу тебя!» На станции оказались две девочки. Как оказалось, они проследили за ловцом змея, потому смогли лицезреть весь ужас произошедшего. Когда станцию оцепили, они уже были около Акиры, но он их не замечал. Они обнимали его, а он держал в руках розовый цве-

точек. Над троицей печально возвышался воздушный змей, Аमतэрасу в печали скрылась за облаком.

«Я стану цветком».

Глава 5. БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕТ

2040-Й ГОД

Две докладчицы вышли на сцену, отделившись от толпы, занимавшей все места в огромном зале. Когда на экране большими иероглифами, за их спиной, появилась надпись «РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНТЕЛЛЕКТА И ПСИХИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ», две докладчицы поклонились слушателям, после чего одна из них начала свою речь.

Здравствуйте! Мы рады, что вы пришли, и выражаем вам своё глубочайшее почтение. Я Ивакура Акико, а рядом со мной стоит Пак Со Ён. На протяжении примерно десяти лет мы занимались исследованиями в области сознания и мышления, однако при этом мы не опирались на консервативные подходы. До сих пор считается, что высокий интеллект и реализация на практике способности манипулировать большими объёмами информации — есть благо, как для обладателя этих двух способностей, так и для всей нашей цивилизации. Таково общее мнение, с которым все согласны, однако технический прогресс и проведённые нами исследования указывают на прямую взаимосвязь психических нарушений и интеллекта, начиная с некоторого критического значения. Мы предлагаем утверждение: интеллект и информация в больших количествах ведут к распаду психики!»

Когда Акико закончила, Со Ён начала подводить слушателей к этому странному, как может показаться на первый взгляд, утверждению.

Вспомните двадцатые годы нашего века. Вспомните то, с каким упорством люди создавали разрозненные искусственные нейронные сети. Уже тогда человечество сталкивалось с таким явлением, как «нейронная гниль». Как мы знаем, интеллект — это способность выделять часто встречающееся из больших объёмов данных и использовать это для синтеза новых данных. Если вы не согласны, то вспомните про то, как вы используете понятие «интеллект» в своей жизни. Использование этого весьма сложного понятия связано с решением таких задач, решение которых не очевидно, но связано с опытом, с научением на основе большого количества попыток. Эти попытки приводят ко множеству результатов, и часто встречающиеся анализируются, на основе чего выбирается новая стратегия решения задачи. Опыт оказывает большое влияние на интеллект — общеизвестно, что даже имея высокую предрасположенность к интеллекту, то есть генетическую предопределённость, человек не обязательно станет, например, гением в какой-либо области — опыт влияет на практическую реализацию потенциальных возможностей. Но давайте вернёмся к интеллекту в определённом нами виде. Искусственный интеллект и по сей день представляет собой всего лишь сложный алгоритм, основанный на векторной алгебре и вероятностях. Современный ИИ работает с последовательностями символов. Он перекодирует одну последовательности в другие, согласно сложным правилам, которые делают процесс перекодирования не всегда однозначным, то есть заставив один и тот же ИИ решать одну и ту же задачу, мы можем получить разные по форме результаты. Это очень и очень важно, потому что созданный нами ИИ — есть чистое воплощение данного нами определения. Современный искусственный интеллект берёт данные, которые подчиняются закону нормального распределения, и выделяет из них общее, то есть то, что наиболее близко к математическому ожиданию, «обревая» хвосты распределения.

Из зала полился поток вопросов, связанный тем, что слушатели не понимают, зачем им слушать то, что и так всем известно. Ивакура Акико несколько раз хлопнула в ладоши и, поклонившись, попросила прощения у всех за то, что прерывает дискуссию. Пак Со Ён продолжила речь.

Хорошо, перейдём сразу к сути! Нашу цивилизацию ждёт неминуемое падение ввиду грядущей пандемии расстройств шизофренического спектра!

После последней фразы в зале воцарился гул, который, однако, быстро стих, потому что всем было интересно узнать, что же будет дальше — уж очень провокационным этот тезис.

Искусственный интеллект выделяет только наиболее часто встречающиеся показатели, отсекая всё, что окажется «незначительным». Вы замечали, что тексты, написанные нейросетями, во много похожи друг на друга? В этих текстах очень часто встречаются один и те же речевые обороты, в них встречаются перечисления в больших количествах. Иногда мысль в этих текстах ходит вокруг, да около. Иногда эти тексты составлены грамматически абсолютно правильно, но смысла в них нет никакого. Напоминаем, что при расстройствах шизофренического спектра часто встречается правильное построение речи, лишённой всякого смысла.

Но давайте вернёмся к нашему тезису о том, что искусственный интеллект сведёт нас всех с ума. Уже было упомянуто такое явление, как «нейронная гниль». Это явление возникает, когда в наборе данных для обучения нейросетевой модели содержится меньше, чем десять процентов, данных, созданных человеком. Через три итерации обучения искусственный интеллект, например, генерирующий текст, начнёт выдавать полную тарабарщину, бессмыслицу. Иначе говоря, недостаток человеческих данных в современном интернете, откуда и берётся материал для обучения, является крупной проблемой. Однако эта проблема касается не только искусственного интеллекта, который может начать деградировать, но и самого человечества. Дело в том, что подрастающее поколение, воспринимая информацию из современного интернета, не имеет опыта по восприятию информации, созданной человеком. Для того, чтобы вы понимали, почему это так плохо, взгляните на это.

Со Ён прервала речь и отошла в сторону. Тёмно-синие иероглифы надписи «VII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПСИХОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» погасли, и на белом экране появились изображения. Эти изображения... они были чужеродные, иные... в них не было смысла. Само их содержание было чем-то, что отдалённо напоминало человеческое, и вот это наличие человеческих «следов» в изображении пугало ещё больше, чем само «безумие, что там было. Если в нейросеть плохо структурированный или же бессмысленный запрос, то в качестве результата может выйти какая-то, например, простыня с кучей отверстий мясного и зелёного цветов. Это может вызвать тошноту, отвращение, страх — это и есть трипофобия, страх отверстий... На экране появились лица людей, испещрённые дырками, африканские дети, у которых вместо ног морковки. Со Ён продолжила свою речь.

Деградировавший искусственный интеллект генерирует то, что является простой копией наиболее часто встречающихся закономерностей и шаблонов... и эта «часто встречаемость» в числах может быть неотличима от осмысленной, но вот визуально это чем-то омерзительным и противным. Знаете про эксперимент, когда искусственный интеллект воспроизводил одну и ту же картинку и в процессе у него отключали нейроны? В итоге изображение распадалось, меняло цвета и визуально становилось «гнилым», как в переносном, так и в прямом смысле. Этот эксперимент был «иллюстрацией шизофрении» в контексте искусственных нейронных сетей. Существует даже схема, сделанная с помощью магнитно-резонансной томографии, оценивающая количество связей в мозгу человека, больного шизофренией, и здорового человека. В итоге у шизофреника их в разы меньше. А теперь к нашей безумной гипотезе: обучение сетей на их же результатах приводит к плюс-минус похожим результатам, то есть они своими результатами напоминают ту сеть, которая иллюстрировала разум шизофреника. Значит ли это, что большое количество синтетической информации в обучающем наборе данных приводит к «шизофрении нейросетей»? Если да, возможно ли такое, чтобы дети будущего становились шизофрениками, если всё доступное им информационное пространство будет состоять сплошь и рядом из нейросетевого контента, набора данных? Тогда ещё возникает вопрос, если нейросети копируют наш мозг, то значит ли это, что человек, изучив большое количество текстов и информации, станет шизофре-

ником? Может ли информация иметь разрушающее воздействие? Современное человечество привыкло считать информацию противоположностью энтропии, беспорядочности, но что, если информация и есть энтропия в концентрированном виде?

Если наши предположения верны, то значит ли это, что избавление от информации в голове — путь излечению от психических заболеваний? Если не всех, то некоторых. Как известно, Древние, наши далёкие предки, считали, что мышление — опасно. Они создавали храмы, в которых отрешались от нескончаемого шума в голове, которому подвержены все люди, они искали способы очистить свой разум. А теперь, если мы посмотрим на нейросети, то это концентрированное мышление. Каково же будущее человечества?

Люди начала нашего века, опасавшиеся развития технологий, считали, что мы будем служить машинам, например, отдавая тепло своих тел, чтобы питать их аккумуляторы, но в нашей версии печального будущего люди будут отдавать силу своего ума и сознания, если оно не будет загублено к тому моменту, чтобы понизжать энтропию в информационном поле объединённых интернетом нейросетевых систем. Это означает, что люди и в самом деле создают ноосферу, но они будут занимать в этой ноосфере не место творцов и исследователей, дотянувшихся до звёзд, а место создающих батареек, сбрасывателей энтропии. Например, вы можете прочесть, что с появлением компьютеров бумажной работы у наших предков стало ещё больше. А теперь появились искусственные нейронные сети, которые экспоненциально увеличивают возможности обработки и пересылки информации. Если исходить из опыта с компьютерами, то это явно не признак того, что человек освободиться от рутинной работы — появятся новые обязанности, сопряжённые с поддержкой новых всё появляющихся и появляющихся условностей в рамках общественной формальной системы, которая технологиями задушит сама себя же. Некоторые говорят, что пишут тексты, как нейросети, и мы постоянно замечаем это. Раньше нам казалось, что все просто начали злоупотреблять искусственным интеллектом, но теперь... Если эта тенденция продолжится, то человечество обречено. Часто общаясь с нейросетью, чтобы быстро получить ту или иную информацию по какому-либо вопросу в концентрированном виде, вы могли заметить, что по форме нейросеть отвечает вам одним и тем же. Да, по содержанию информация может быть разная: реликтовое излучение, устройство процессора, список чего-нибудь, вся доступная информация про тексты «Воспоминаний о прошлом земли» и «Возрождения времени» с аналитикой стилистических различий в них, но итоге всегда один — информация подаётся в определённым образом структурированном виде и сопровождается штампами, словесными оборотами, которые характерны только для искусственного нейросетевого интеллекта. Можно на слух отличить текст, написанный с участием нейросети от текста, написанного самостоятельно, но это не является научно обоснованным методом. Да и сам этот метод доступен далеко не всем. Если технология продолжит своё развитие в том же русле, то мы будем потреблять это, не отдавая себе отчёта в том, что попадает в наш разум. Мы будем понимать друг друга с полуслова, но не благодаря чтению мыслей, а из-за того, что наши мысли будут одним и тем же — хаосом квантованной информации, и тогда от нас больше ничего не останется... И знаете, что самое страшное? Всё это, ввиду своей распространённости и поглощения с раннего детства может стать архетипом. Если, конечно, уже не стало... Мы — последнее поколение, видевшее мир таким, какой он есть, и потомки нам никогда не поверят, они не будут знать, чего-то, что мы так и не научились выразить в словах, решив убить до того, как станем по-настоящему осознающими себя существами...

Зал заполнился холодным молчанием. Акико всё это время стояла в стороне, не решаясь произнести ни слова из написанного ею доклада. Она смотрела на холодные лица людей, слушавших приговор современной цивилизации к смерти. Она стояла и смотрела на изображения уродцев с двадцатью пальцами и множеством отверстий в глазах. Она стояла и смотрела

на разного рода графики и статические показатели. Она будто бы выпала из реальности — больше ничего не существовало. И в этот момент кто-то встал и произнёс: «Больше ничего нет». Этот кто-то произнёс роковую фразу и упал замертво. Акико и Со Ён переглянулись, не зная, что делать. Мгновением спустя Акико упала в обморок, и Со Ён попыталась оттащить свою подругу подальше от испуганной толпы. Конференция, которая должна была стать сенсационной, в определённой степени, достигла успеха, однако через несколько дней начались события, что были более загадочными, чем возможно себе представить.

— Ничто не сможет ускользнуть от нас, ведь сегодня мы применим новейшее открытие, сделанное нашими китайскими и французскими коллегами! — крикнул человек в лабораторном халате, — Сегодня мы запускаем свой собственный термоядерный реактор, что будет питать Большой Кольцевой Коллайдер, строительство которого было завершено в прошлом году¹. Вы не представляете, какой разгул науки нас ждёт! Даже я себе не представляю! Новые горизонты открываются перед нами, дамы и господа! Применяя всю мощь ядерного синтеза, мы раскроем самые глубинные тайны материи! Десятилетия назад мы ломали голову над бозонами Хиггса, тридцать лет назад нашли их, а сегодня мы сделаем ещё больше! Мы, используя новейшие технологии нашего времени, обнаружим новые частицы за пределами Стандартной модели, если они существуют, а также соберём новые данные об уже известных частицах, что позволит нам открыть их ранее невиданные свойства! Мы перевернём мир, совершив такой прыжок, который нам даже и не снился — кризис физики будет преодолен в ближайшие дни! С пятидесятих годов прошлого века почти ничего не менялось, но сегодняшний день станет не просто революционным, он войдёт не только в историю человечества, он войдёт в историю самой Вселенной!

В зал вошёл человек в чёрном костюме и сообщил, что технологии, применённые для создания реактора, не должны вызывать вопросов. Задача только одна — обнаружить новые данные.

— Эй, Лебедев? Что приуныл? У нас же новые открытия впереди! Столько лет работали в рамках устоявшихся теорий, а сегодня мы можем перевернуть их, совершив революцию в понимании проблемы возникновения не только массы через поле Хиггса, но и вещества!

— Я уже был в подобной ситуации.

— То есть?

— Это было давно, во времена моей молодости.

— Ты работал на советском ускорителе и что-то пошло не так?

— Нет. Знаешь, когда ты молод, думаешь, что столько всего впереди, столько неизведанного...

— Я в молодости таким же был — думал, что переверну всю науку, но открытия достаются большим трудом. Сегодняшний день, кстати, результат труда миллионов человек со всего мира, и мы занимаем не последние места в списке.

— Я работал на Курильских островах, это был секретный проект. Я так спокойно говорю об этом, потому что он давно уже закрыт, да и никому не нужен оказался, судя по всему.

— Итак...

— Мы отправили сигнал к звёздам Эпсилон Эдриана и Альфа Центавра, тогда нам тоже сказали не беспокоиться о технологиях, применённых в проекте.

— Хм... Точно так же нам сказали и здесь. В чём была суть проекта? Зачем нужно было отправлять сигнал?

— Тогда мы думали, что человечество наконец-то объединится, мы ожидали ответа к 1982 году. Сигнал содержал в себе основные понятия из математики, базу всех наших дальнейших открытий. Дело в том, что нам строго настрого запретили брать с собой какие-либо

наработки, обосновав это тем, что мы должны воссоздать знания для передачи, а не скопировать откуда-нибудь.

— Странная мотивация, конечно. Я так понимаю, ответа вы, разумеется, не дождались, а с учётом закрытия проекта надежды на контакт и вовсе развеялись.

— Да, именно так. Это была смелая мечта людей прошлого. Это сейчас нам известно, что поблизости обитаемых планет нет и, что мы, с большей долей вероятности, одни во Вселенной.

— Не отчаивайся, Лебедев! Мы с тобой работаем здесь, в ЦЕРНе, уже несколько лет, и за это время мы никогда не отступали назад. Быть может, что братья по разуму очень и очень далеко от нас, а расстояния между даже ближайшими звёздами просто огромные. Быть может, в ближайшие дни нам предстоит открыть нечто такое, что изменит наше представление о пространстве, и тогда уже мы будем бороздить просторы Вселенной, не дожидаясь, пока нас кто-нибудь обнаружит.

Разговор двух пожилых учёных был прерван человеком в чёрном костюме, что призвал всех разойтись по своим рабочим местам, ведь Большой Кольцевой Коллайдер уже был готов к запуску. Вся мощь термоядерного синтеза, обращённая к кольцу с диаметром в сотню километров, тысячи величайших умов планеты, собранные в одном месте, и всё это только ради одной цели — найти нечто новое, нечто, что пошатнёт наши устоявшиеся представления о мире. До 2040 года считалось, что ничего нового мы уже не обнаружим, что Стандартная модель — последнее слово в теоретической физике, но создание Большого Кольцевого Коллайдера и термоядерного реактора, питающего его, открывает новые горизонты в деле изучения мельчайших кирпичиков материи.

— Всему Центру приготовиться! — прозвучала система оповещения, и тысячи физиков начали вглядываться в экраны с показаниями приборов, тысячи инженеров замерли в ожидании великого события.

— Пуск! — крикнул руководитель эксперимента в микрофон, после чего начался гул, стрелки индикаторов сдвинулись с места. Через мгновение учёные отошли от панелей управления и радостно закричали, ведь столкнулись атомы водорода — ускоритель работает в штатном режиме. Атомы не успели столкнуться, как уже целые научные группы из разных стран считали, сколько кварков удалось зарегистрировать. Пришла очередь преонов, гипотетических частиц, из которых состоят кварки. Прошло несколько секунд, прошла минута. Ничего. Новых частиц не появилось. Лица, ранее источавшие восторг и надежду, исказились в гримасе сожаления. Из динамиков раздалось оповещение о прекращении работы до конца дня в честь удачного первого пуска нового ускорителя частиц.

— Не может быть! Это невозможно! Мы должны были что-нибудь, да обнаружить.

— Не переживайте так. Обязательно обнаружим! Это же был первый запуск. И все системы работали просто отлично.

— Столько лет трудов! Столько лет усилий, и мы стоим здесь! Я просто не могу поверить. Но разве мы не должны были обнаружить преоны? Ускоритель в 100 километров диаметром, да ещё и с таким источником энергии...

— Мы не запустили его на полную мощность. Завтра, я уверен, нам разрешат увеличить количество подаваемой энергии и провести больше запусков.

— Очень надеюсь! Жду не дожусь следующего дня! А пока что придётся отмечать вместе со всеми.

— Правильное решение, доктор Цвейг.

Алексей Лебедев, в отличие от остальных, не отправился в столовую на банкет, а остался около датчиков и экранов с цифрами. Он понимал, что сегодняшний день предвещает нечто большее, чем будущий переворот в физике, нечто гораздо большее, гораздо большее...

Когда вы в начале своей жизни ожидаете изменить представление о мире, а потом на протяжении всё той же жизни сталкиваетесь в тем, что многое уже открыто и спрогнозировано

за вас, или даже до вас, то ваша вера в то, что вам удастся увидеть нечто новое, неизведанное, угаснет, но если вам дадут шанс, если все вокруг начнут утверждать, что мир стоит на пороге открытия чего-то, о чём никто даже и задуматься не мог, то вы, вне зависимости от вашего возраста, взглядов и скептицизма, сделаете всё возможное, чтобы если и не войти в число первооткрывателей, то хотя бы увидеть это нечто своими глазами.

Один человек стоял в пустой комнате в надежде обнаружить хоть что-нибудь в новых данных, хоть что-нибудь. Мало кому удаётся дожить до сотни лет, мало кому удаётся преодолеть этот барьер, мало кому удаётся в двадцать лет стать настолько гениальным физиком, чтобы быть в числе приглашённых для участия в сверхсекретном международном проекте. Мало кому удаётся всю жизнь сохранять веру в возможность зайти за границу неизведанного. Доктор Лебедев, тяжело дыша, подошёл к экрану, на котором отображались числа: 2, 3 и 5. Эта тройка чисел повторялась раз за разом. Учёный внимательно вглядывался в цифры, но не понимал их значения. Он понимал, что обнаружение преона вступит в противоречие с уже известным фактом о существовании бозона Хиггса, но, как сказал один великий физик, «когда результаты наблюдений совпадают с теорией, это уже не открытие, а закрытие». Пожилому человеку, всю жизнь стремившемуся к открытию, было не до празднования первого пуска, ведь жизнь может прерваться в любой момент. Лебедев вглядывался в цифры, бегал от прибора к прибору, рассматривал распечатки с результатами. Либо ничего нового, либо последовательность «2 3 5». Это одновременно вгоняло в отчаяние и удивляло. Ничего нового, но, что значат эти числа? Какая тайна скрывается за ними? Физик, тяжело вздохнув, занял одно из свободных рабочих мест. И начал рассматривать распечатки с показаниями. Данные, словно тридцатилетней давности, шли вперемену с «2 3 5». Взяв карандаш и бумагу, Алексей начал выписывать различные уравнения и сверяться с полученными в результате столкновения двух атомов данными. Всё в рамках уже известного науке, но три числа вклинивались в стройные ряды констант, выданных приборами. В голове одинокого учёного промелькнула мысль: «А что, если эти цифры что-то загораживают?» Эта мысль не давала покоя. Тайна за тремя числами. Тайна, возможно, способная перевернуть всю физику. Раз за разом Алексей пытался вписать в уравнения числа, но ничего не получалось — результаты не совпадали с экспериментальными данными. Ничего не выходило, никаких новых данных, ничего, что могло бы выйти за рамки Стандартной модели, только три числа: 2, 3 и 5. Так прошли минуты, десятки минут, часы... Уже ночь.

— Эй, Лебедев? А ты что здесь застрял? Все уже расходиться планируют, однако тут нам сказали, что будут запускать фейерверк в честь события!

— Ты же знаешь, что я уже прожил жизнь? Больше ста лет люди почти не живут. Я уже и не надеялся.

— Не надеялся на что?

— На открытие.

— Какое открытие? Нам же не удалось ничего обнаружить. О чём ты говоришь?

— Подойди и сам посмотри.

Василий подошёл к Алексею и посмотрел на распечатки с числами. Выражение лица изменилось — вместо скепсиса теперь оно выражало сожаление.

— Это сбой, сбой в системе. Приборы шлют нам неверные данные.

— Это не сбой. Посмотри на экраны, на стрелки! Вот здесь показывает два, тут — три, а там — пять! Это невозможно! Это не сбой в работе ускорителя.

— Ты считаешь, что это новые данные?

— Я не знаю. Оно не похоже на новые данные, это нечто другое. Это не сбой в системе, не новые данные, это... Я не знаю.

— Предлагаю сообщить всем, но завтра — сегодня пусть порадуются, не будем омрачать праздник.

— Хорошо, я ещё побуду здесь.

Василий покинул Алексея и отправился бродить по белым коридорам комплекса. Люминесцентные лампы, металлические серые двери, труба ускорителя. Коридор тянется и тянется, никого нет в рабочей зоне — все веселятся наверху. Навстречу Василию бежала Сунь Мэйлань.

— Доктор Петров, доктор Петров!

— Доктор Сунь, что случилось?

— Это важно, очень важно.

— Что важно?

— Где доктор Лебедев? Он нужен. Он нужен наверху. Его зовут.

— Он... Он в рабочей зоне, он занят.

— Простите, но это срочно, очень срочно! Его зовут наверх.

— Кто зовёт? Я не знаю, я не имею права говорить.

Кое-как договорившись, смешивая английский, русский и китайский языки, двое учёных бежали по коридору в сектор Lambda-6. Лампы пролетают над головой, коридор всё тянется и тянется, страх и непонимание, заветная дверь, комната, доктор Лебедев, безмятежно сидящий около приборов и бьющийся над загадкой чисел.

— Доктор Лебедев, некто зовёт вас наверх, к остальным.

— Правда?

— Да, это срочно.

— А неизвестно, что им нужно?

— Нет, доктор Сунь настолько распереживалась, что еле-еле смогла объяснить мне, что она хочет сказать. У неё и так проблемы со всеми языками кроме китайского...

— Не нравится мне это дело, ой не нравится...

Пожилой человек с трудом встал с кресла и двинулся между рядов столов к выходу из комнаты. Через пять минут трое исследователей шли по коридору к ближайшему лифту. Никто не смел произнести ни слова, ситуация явно не предвещала ничего хорошего. Алексей погрузился в раздумья о словах таинственного человека о технологиях, применённых в реакторе и ускорителе. Это напоминало ему о далёком прошлом, о временах его молодости.

Уходящее красное солнце, освещавшее тарелку передатчика, направленную в бездну, шум беспокойных волн, предвещавший нечто великое, десятки учёных, тайно привезённых со всего мира. Столько надежд и стремлений, но ничего не произошло. Сигнал был отправлен, радости не было предела, все чувствовали единство и братство человечества, смотрящего на далёкие звёзды в ожидании ответа. Но ответа не было. Молчание космоса, одиночество, холод и страх. Страх, что мы одни во Вселенной.

Но было в воспоминаниях нечто загадочное, даже более загадочное, чем молчание космоса. Что за технологии были применены для постройки станции, на которой всех собрали? Почему проект был закрыт? Кем был этот таинственный человек? Неужели происходящее здесь, в ЦЕРНе, как-то связано с давними событиями на Итурупе? Если есть связь, то какая?

Поверхность, собрание учёных, встречающих чёрный вертолёт без опознавательных знаков, из которого после приземления вышли вооружённые люди в чёрном снаряжении, они охраняли представителя Организации Объединённых Наций, что передал руководителям групп из разных стран кейс с неизвестным содержимым.

— Итак, это всё, что я могу сейчас вам передать.

— Что там?

— Документы. Забыл упомянуть, что к вам были откомандированы специалисты особого рода, вам предстоит работать вместе.

— Специалисты от ООН? Это большая честь, я не ожидал, что наши исследования привлекают внимание... столь высокопоставленных лиц.

— Я надеюсь, что вы преуспеете. Вы войдёте в историю. И ещё кое-что, я хочу поговорить с доктором Лебедевым.

Встречающий позвал Лебедева, после чего троица, Лебедев, Сунь и Петров, подошли к вертолёту.

— Прошу всех отойти от доктора Алексея Лебедева.

— Здравствуйте, что вам требуется?

— Что ж... Я поражён вашим аномальным долголетием, но не будем медлить, ваша задача проста – продолжить исследования. Мы не получили ответы в 1969-м и 1982-м годах. Думаю, что вам это известно.

— Вы... Вы... Вам известно про «Глас Небес»?

— Да, проект продолжается.

— Но раз ответа нет, то зачем продолжать?

— Потому что теперь мы изучаем физику элементарных частиц.

— А как же сигналы внеземным цивилизациям?

— Вы всё узнаете в нужное время.

Представитель ООН забрался в вертолёт, охрана последовала за ним. Через несколько секунд вертолёт улетел, оставив собравшихся физиков в недоумении. Никто не понимал, что произошло. Зачем к ним привезли радиоастронома? Что в кейсе? Что за проект «Глас Небес»?

Ночью было беспокойно. Победоносный запуск Большого Кольцевого Коллайдера, визит представителя ООН, секретные документы, которые было решено вскрыть на следующий день. Никто не мог уснуть, ведь сон не представлялся возможным. Таинственные радиосигналы, посланные братьям по разуму, открывающийся горизонт физических исследований... День выдался настолько насыщенным, что никто даже и не думал о том, что можно просто так взять и успокоиться — все ждали утра, когда объявят новую рабочую смену.

Утро наступило, всех собрали в большом зале для конференций. Некто подошёл к микрофону и зачитал с листка обращение к слушателям:

«Здравствуйте! Меня зовут Клаус Штейнер, я руководитель Европейского Центра Ядерных Исследований. Произошедшее вчера не должно вас беспокоить, мы разберёмся с этим чуть позже. Прошу не распространять слухи. Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать наш вчерашний прорыв. Вчера мы провели пробный запуск Большого Кольцевого Коллайдера! Это невероятное достижение, которым мы все гордимся. Я благодарю всех присутствующих здесь и всех, кто приложил руку к это величайшему творению в истории современной физики. Некоторые из вас были разочарованы тем, что ничего нового найти не удалось, но не отчаивайтесь, ведь то был пробный запуск, а сегодня Коллайдер вступает в работу. Стоит также заметить, что сбой в системе, обнаруженный вчера был устранён, так что поводов для беспокойства нет. Итак, я объявляю начало нового рабочего дня — вперёд за новыми открытиями, коллеги!»

Учёные чуть ли не разбежались по рабочим местам. Восходящее солнце освещало утреннюю росу, что покрывала всё вокруг, начинался новый день, обещающий немало фантастических открытий. Алексей не выражал воодушевления, он не знал, чего ожидать. Несмотря на устранение сбоя в системе, учёный чувствовал, что что-то здесь не так. Не может быть такого, чтобы все приборы разом показывали одно и то же, а потом это быстро исправили.

Сектор Lambda-6, приборы регистрирующие столкновения. Из динамиков прозвучало: «Полная мощность!» Никто не мог оторвать взгляд от показаний приборов. Столкновение! Вот он момент истины! Показания приборов... И ничего не произошло. Второе столкновение. И вновь ничего нового. Ещё несколько столкновений. Ещё и ещё! Ещё и ещё столкновения! Ничего. Никаких новых частиц — всё в рамках Стандартной модели.

— И это всё? Не может быть! Этого просто не может быть! — кричал кто-то около детектора столкновений. Алексей тихо сказал: «Больше ничего нет». Все повернулись к пожилому

человеку, ожидая услышать что-то, что-то иное, что-то, что вселит надежду, но вместо этого физик схватился за сердце и упал. Сердечный приступ. Больше ничего нет. Ничего. Последние слова гениального физика не внушали оптимизма. Никто не мог поверить в случившееся. Спустя несколько секунд пять человек подбежали к телу Алексея, но было поздно — пульса нет, человек мёртв. Кто-то выбежал в коридор, с криками «Врача! Врача в сектор Lambda-6!», а кто-то отвернулся и следил за датчиками в надежде опровергнуть последние слова своего коллеги.

Медицинская бригада прибыла через несколько минут, но врачам ничего не оставалось, кроме того, как зафиксировать смерть. Все вернулись к работе, но никаких результатов достигнуто не было. Раз за разом сталкивая различные химические элементы, исследователи получали одну и ту же картину — ничего выходящего за рамки Стандартной модели нет. Несколько часов напряжённой работы ничего не дали.

— Я тут подумал, а что, если мы не там ищем?

— Доктор Петров, о чём вы?

— Что, если мы, я не знаю, применяем не тот подход?

— А какой подход нужно применять?

— Я не знаю. Мы делим и делим частицы, но всему есть предел. Не может же быть так, чтобы они делились до бесконечности? Если мы не можем обнаружить новые частицы в уже существующих объектах, нам нужно найти такие объекты, которые будут содержать то, что мы ищем.

— Что вы предлагаете?

— Пока не знаю... Видимая материя изучена вдоль и поперёк, тёмную материю никто никогда не видел. Есть вещество, есть антивещество. Что если мы попробуем собрать немножко антивещества и... Я не знаю. Антивещество состоит из двойников обычных частиц, только они противоположны. При соприкосновении частицы и античастицы происходит аннигиляция...

— К чему вы клоните, доктор Петров?

— Что, если мы попытаемся столкнуть на околосветовой скорости антивещество и простое вещество? Я понимаю, что это опасный опыт, однако мы должны провести его на нашем ускорителе, чтобы быть уверенными, что...

— Чтобы быть уверенными, что мы точно ничего не упускаем?

— Да, младший научный сотрудник Ямамура, именно так.

Два человека размышляли над самой опасной идеей из всех, что могла быть высказана в этот момент. Эта идея казалась экстремальной, отчаянной, безумной, но какие ещё идеи могли бы появиться в такой ситуации?

— Я отправлюсь к руководителю и попробую объяснить ему нашу идею.

— Пока рано, я думаю, что после смерти нашего общего коллеги, руководство будет не очень расположено к принятию столь опасных предложений.

— Я слышал, как вы разговаривали с ним. Он был вашим давним другом?

— Да, мы работали на ускорителе NICA в Дубне, это в России.

— Россия... Я слышал, что вашей стране пришлось нелегко в двадцатых годах. Как вы сохранили свой научный потенциал? Вы же были отрезаны от всего мира!

— Долгая история, если говорить кратко, то мы просто вспомнили то, как выживали в эпоху Холодной войны.

— Трудно, наверное, пришлось учёным, что просто хотели сотрудничать друг с другом. Я про весь мир сейчас. Все мы пользуемся наследием прошлого. Мы видим так далеко, потому что стоим на плечах гигантов, как говорится.

— И в эти дни мы должны были заглянуть ещё дальше, но что-то мешает нам. Мы не понимаем какой-то важный принцип. Мы его не видим, а ведь он у нас на виду, уж простите за каламбур.

— Я думаю, что мы не имеем права сдаваться — несмотря ни на что, мы должны продолжать, ваш друг хотел бы этого, я знаю это.

— Извините, а я могу узнать ваше полное имя?

— Меня зовут Ямамура Хидеки.

— А меня — Василий Петров, у нас имя ставится в начале, перед фамилией.

— Я рад знакомству, доктор Петров.

— Я тоже, младший научный сотрудник Ямамура.

— Можете называть меня просто Ямамура.

— Хорошо, коллега.

В комнату вошёл руководитель проекта. Все разговоры прервались в один момент. Доктор Штейнер объявил о завершении рабочего дня в связи с трагедией и попросил всех разойтись. Никто не стал противиться воле начальства, никому в целом и не хотелось находиться в этой комнате. Хидеки забрал с рабочего места тетрадь и карандаш, после чего покинул комнату, стараясь не встречаться взглядом ни с кем. Остальные люди разошлись относительно быстро.

Выйдя в парковую зону, японский учёный дошёл до скамейки и начал что-то писать в тетради. Тем временем его русский коллега, стоя рядом с комнатой, рассматривал вчерашние распечатки с данными. Последовательность «2 3 5» не давала покоя. Было ли это сбоем? Возможно ли то, что это было нечто, что мы не замечаем? Нечто такое, что после перенастройки приборов стало неуловимым. К сожалению, работа БКК была приостановлена на ещё один день.

— Младший научный сотрудник Ямамура, я могу обратиться к вам?

— Конечно, доктор Сунь. Можете называть меня просто Ямамура.

— Доктор Петров остался в секторе Lambda-6 несмотря на то, что всем сказали прекратить работу. Я пыталась его уговорить уйти, но отказывается.

— Я попробую убедить его. Мы недавно познакомились, но я всё же попробую.

— Спасибо.

Никого не было в белых подземных коридорах, но Хидеки пришлось спуститься в глубины комплекса, чтобы убедить Петрова прекратить работу. Дойдя до сектора Lambda-6, он замедлил шаг и начал прислушиваться к речи, которую еле-еле слышал. Слабо понимая русский язык, Хидеки смог разобрать только несколько слов: числа, загадка, неправильно, молчал и непонятно. Приоткрыв дверь в контрольную комнату детектора столкновений, Хидеки обнаружил Василия, бьющегося над загадкой чисел.

— Эти числа — простые, — произнёс младший научный сотрудник. После чего подошёл к экрану, на котором мерцала последовательность: 2 3 5 7 11 13 17 19 23 29 31. Сбой в системе вновь повторился, но на этот раз все приборы были выключены. Когда Хидеки нажал кнопку ввода экран погас, после чего появилась другая последовательность: 2 3 5 7 11 13 17 19 29 31 41 43 59 61 71 73 101 103.

— Что вы сделали?

— Я нажал на кнопку ввода. В итоге последовательность простых чисел заменилась на подпоследовательность.

— То есть?

— На экране сейчас числа близнецы.

— Что это значит?

— Числа близнецы — простые числа, с разницей, равной двум. Проще говоря, они парами идут через одно.

— Интересное наблюдение... Вы единственный, кто не имеет учёной степени...

— Да, вы правы. Я даже не кандидат наук. Я изучаю математику в Токийском Университете.

— Математик посреди физиков? А зачем?

— Честно говоря, я не знаю. Меня просто послали в ЦЕРН, ничего не сказав.

— Вернёмся к числам. Есть идеи, почему именно простые числа?

Хидеки долго думал над ответом, молчание продолжалось около двух минут. В результате два человека смотрели на экран, ожидая озарения. Размышления могли продолжаться ещё очень долго, если бы не сообщение, переданное системой оповещения по всему комплексу — ещё один человек умер, точнее убил себя. Хидеки и Василий выбежали из комнаты, словно причина гибели уже двух человек находилась в приборах, выдающих простые числа.

Невидимый ужас, бродящий по коридорам; страх, разрушающий формулы в умах людей. Собравшись в зале, сотрудники ЦЕРНа узнали от Клауса Штейнера подробности смерти очередного физика. Его звали Джон Фармер, он вскрыл себе горло, сжимая в руках записку лишь с одной фразой: «Больше ничего нет».

На следующий день стало известно о смерти ещё примерно двадцати физиков и математиков по всему миру. И все они ушли в иной мир с запиской «Больше ничего нет». Человек просто живёт, размышляет, а потом пишет роковую фразу на листке бумаги и кончает жизнь самоубийством.

Глава 6. АЛЕФ

22 ИЮЛЯ 2040-ГО ГОДА

Массовые самоубийства учёных обеспокоили Организацию Объединённых Наций. Предугадать ничего нельзя, смерти непредсказуемые. Представители стран, участвующих в Совете Безопасности ООН, обратились в Интерпол с просьбой скоординировать усилия правоохранительных органов всех стран ради расследования смертей.

Экстренный конгресс интерпола, выступление генерального секретаря Франсуа Аполлинера:

Итак, буду краток. Из ЦЕРНа пришло известие о смерти нескольких учёных, работавших на Большом Кольцевом Коллайдере. Всё началось со смерти Алексея Лебедева, перед смертью он сказал: «Больше ничего нет». Это, вероятно, связано с неудачей, постигшей физиков — им не удалось обнаружить частицы, не описанные Стандартной моделью. На следующий день самоубийство совершил Джон Фармер, в его предсмертной записке были последние слова Лебедева, он, как и его коллега, написал: «Больше ничего нет».

Самое страшное и загадочное было впереди. В течение двух последних недель мы получаем сведения о смертях физиков и математиков со всего мира. О смертях заявили Соединённые Штаты Америки, Франция, Германия, Россия, Китай, Южная Корея и Япония.

Мы бы не собрались здесь сегодня, если бы не утверждения некоторых лиц о том, что эти смерти вызваны не только разочарованием в современной науке. В Совбезе ООН полагают, что определённая группа лиц убивает учёных по всему миру. Мы должны с этим что-то сделать. Есть вопросы по рассматриваемому делу?

Зал был наполнен молчанием, однако через минуту один из японских представителей произнёс в микрофон: «Почему бы не запросить помощи у Алефа?» Никто не ответил.

— Накамура, ты понимаешь, что Алеф сам выбирает дела? — сказал Такеши, — Мы не можем просто так взять и обратиться к нему.

— Он наша последняя надежда! Учёные убивали себя даже тогда, когда на них было обращено пристальное внимание. Один вообще застрелился в прямом эфире выпуска новостей.

— Я понимаю, но Алеф — лучший в мире детектив, который сам приходит, его не зовут.

— Тогда у нас нет надежды...

В зал вошёл человек в чёрном плаще, подошёл к трибуне и произнёс: «Алеф уже согласился». За трибуной генсека Интерпола располагался экран и проектор. Изначально на экран проецировалась карта мира с обозначением количества самоубийств в разных странах, однако после спокойного заявления загадочного человека на экране появилась буква еврейского алфавита, буква алеф. Из динамиков начал звучать низкий, приглушённый видоизменённый голос:

Я Алеф. Приветствую вас, дамы и господа. Самоубийства учёных привлекли моё внимание ещё две недели назад. Во-первых, ни в одном научном журнале не вышло ни одной статьи, посвящённой запуску Коллайдера. Во-вторых, последние слова всех самоубийц одинаковые, это невозможно, если они друг с другом не договаривались. В-третьих, ЦЕРН приостановил работу на неопределённый срок. Японское математическое общество по каким-то причинам отменило больше половины намеченных на этот год конференций.

Все эти факты говорят мне о том, что некто, возможно даже группа лиц, не желает, чтобы были обнаружены новые элементарные частицы и математические факты. Характер самоубийств подозрительно отсылает нас к старой книге китайского писателя Лю Цысиня «Задача трёх тел». Вероятно, убийца, или убийцы, пытаются создать видимость инопланетного вторжения. Я прошу предоставить мне все необходимые ресурсы и данные для

расследования. Штаб-квартирой расследования станет точка Кси, те, кто должен знать, понимают, о чём я говорю. Прошу не препятствовать моей работе.

Если у вас возникнет вопрос, когда я начну, то знайте — я уже начал, две недели назад. Удачи, коллеги.

— Это же... Это же сам Алеф! — восторженно произносил Накамура, — Сам Алеф!

— Я бы так не радовался на твоём месте.

— Почему? Мы же только что слышали лучшего детектива планеты!

— Если он взялся за дело, то мне страшно, что будет дальше. Алеф берётся только за серьёзные дела, исход которых способен повлиять на судьбы многих стран и народов. Похоже, что мы столкнулись с чем-то поистине неизведанным.

Сунь Мэйлань шла по парковой зоне ЦЕРНа, размышляя о происходящем. Смерти учёных по всему миру, смерти гениальных учёных. Она не могла поверить в происходящее. Запуск Большого Кольцевого Коллайдера внушал надежду всему человечеству — день запуска БКК должен был стать днём конца кризиса в физике, но вместо открытий и научного прорыва мир получил трагедию. События последних дней тревожили Мэйлань.

— Доктор Сунь! У меня к вам вопрос от Клауса Штейнера, — крикнул китаянке Петров, после чего передал распечатку с данными из сектора Lambda-6.

— Здравствуйте доктор Петров. Что это?

— Клаус Штейнер попросил передать вам обобщённые данные из нашего сектора, он сказал, что вы являетесь специалистом по анализу данных, и что вы сможете понять закономерность.

— Он попросил сделать это только сейчас?

— Да, я не знаю, почему он лично не попросил вас об этом.

— Это очень странно.

— Он сказал, что вы должны помочь разобраться с числами.

— Поручите это Ямамура Хидеки.

— Почему ему?

— Он математик.

— Но его область математики не занимается анализом данных... Он занимается теорией чисел.

— Хорошо, я посмотрю на распечатки и сообщу вам, если приду к каким-нибудь выводам.

— Как думаете, нам удастся разобраться с происходящим?

— Я не знаю.

— Что вы думаете? Вы выглядите очень обеспокоенной.

— Я считала, что мы совершим открытие. Представьте, что вы всю жизнь мечтаете найти нечто неизвестное ранее. Представьте, что вы надеетесь, боретесь, никогда не сдаётесь. Представьте, что вы горите своим делом, но потом происходит нечто кошмарное, нечто, что способно уничтожить всё, ради чего вы живёте. Моя страна отправила меня сюда, чтобы я стала специалистом, который поможет народу в его борьбе.

— Представляю... Говорят, что Китай уже автоматизировал семьдесят процентов производства, а правительство объявило, что до эры изобилия осталось несколько лет.

— Не только мой народ на меня надеется. Всё человечество смотрит на нас и ждёт, когда мы разгадаем загадку и совершим открытие. Нам нельзя сдаваться.

— Мы проделали огромный путь. Открыв деление ядра в начале прошлого века, мы считали, что достигли вершины научного знания, но вот мы стоим здесь...

— Мы не так далеко продвинулись. С семидесятых годов прошлого века наши представления коренным образом не изменились — мы топчемся на месте. Мы потратили столько усилий и не обнаружили новые частицы, а теперь гибнут люди со всего мира.

— У меня ощущение конца. Такое чувство, что всё — больше ничего нет.

— Нет! Не произносите этих слов!

— Простите... И всё же я считаю, что у нас есть надежда. Да, у меня есть надежда, несмотря на мои печальные слова.

— Надежда на что? Мы провели два десятка запусков и ничего не нашли.

— По крайней мере мы скоро узнаем, кто убивает учёных.

— Как?

— А вы разве не слышали? Лучший в мире детектив взялся за дело.

— Алеф? Я больше склоняюсь к тому, что это просто болтовня ни о чём, чтобы успокоить население.

В этот момент на одном из информационных экранов началась трансляция прямого эфира:

Здравствуйте. Я Виктор Фомин. И я физик, живой физик. Возможно, вы удивитесь, но я жив. Вот он я. Что ж... Начнём с того, что учёные в ЦЕРНе подобрались очень близко к разгадке. Мне известно, что это за ошибки в их данных. Более того, я обладаю информацией о новых частицах, выходящих за рамки Стандартной модели...

Мэйлань и Василий остановились рядом с экраном и прекратили диалог, как только человек из трансляции упомянул ЦЕРН. Они хранили молчание, не в силах поверить в то, что слышат.

— Не может быть! — крикнул Василий, — Это невозможно!

— Подождите чуть-чуть. Я хочу послушать, что он нам скажет...

Итак, я вас заинтриговал? Дело в том, что нужно не только получать новые данные, нужно их правильно интерпретировать. Открытия такого рода не достаются нам просто так. Нужно грамотно подходить к вопросу.

— Это всё болтовня.

— Похоже, что он просто сумасшедший, которому дали эфир.

— Какое разочарование...

Итак, я знаю. Я знаю, что вам нужно. И сейчас я озвучу параметры одной из частиц. Эта частица... Больше ничего нет! Больше ничего нет! Слышите меня?! Больше! Ничего! Нет!

Выступающий по телевидению встал из-за стола, взял ручку и написал что-то на листке бумаги, который лежал рядом с микрофоном. Он поднёс к камере этот листок, на котором было написано: «Больше ничего нет». Затем докладчик сжал листок в левой руке, а правой воткнул ручку себе в горло. Брызги крови закрыли изображение. Трансляция прервалась, на экране появилась буква Алеф на белом фоне. Обработанный человеческий голос начал свою речь:

Итак, кем бы ты ни был, ты не рискуешь. Этот человек не был физиком. Что уж там, он не был даже учёным. Это был приговорённый к смерти преступник. Он понятия не имел не то, что о Стандартной модели, он не имел представлений даже об элементарных вещах, таких, как электростатика. Ты ждал момента, вы ждали момента, если вас несколько. Итак, погибший говорил о том, что знает, как совершить открытие, но вы его не трогали. И лишь когда возник риск, что он действительно сообщит нечто, что не входит в ваши планы, только тогда вы убили его. Это интересно. Я проверял все возможные варианты. Я выяснил, что вы можете убивать на расстоянии всех, кто знает.

Но сейчас я поведаю вам кое-что. Я знаю то, чего он знать не мог. Во-первых, на Большом Кольцевом Коллайдере работает международная группа учёных. Некоторые из них погибли. Погибли люди, но не собранные ими данные. Я две недели получал все сведения о про-

исходящем в ЦЕРНе. И сейчас я готов сделать вывод на основе всего, что мне известно. Вывод, который шокирует всех. Я собрал свою группу учёных, и они в тайне ото всех проводили анализ. Теперь я тоже знающий, теперь мне тоже известно то, что вы так скрываете. Сейчас я озвучу на весь мир данные о частице, выходящей за рамки Стандартной модели. 22 июля 2040 года, в 15:30 по центральноевропейскому времени, весь мир узнает правду.

Сунь Мэйлань задержала дыхание, а Василий Петров сжал кулаки. До половины четвёртого оставалось пять минут, под чёрной буквой Алеф, расположенной на белом фоне, появился таймер, чёрными числами отсчитывающий время.

Кем бы вы ни были, у вас есть возможность меня убить.

Осталось четыре минуты.

Чего же вы ждёте?

Осталось три минуты. Мэйлань и Василий хранили молчание, к ним подбежал Хидеки и сказал: «Он мой кумир! Если они его не убьют, то он дважды мой кумир!»

У вас три минуты, а я знаю великую вселенскую тайну, что вы так оберегаете.

Осталось две минуты. Троица, стоящая у экрана, не издавала ни звука.

Вы убили того человека, как только он был готов раскрыть секрет. Я тоже готов. У вас две минуты.

— Он великий человек! — произнёс Хидеки. До оглашения данных осталось полторы минуты.

Знайте! Вы ренегаты, предатели человечества. Вы самые опасные и презираемые всеми преступники в истории. Если вы не убьёте меня, то вы войдёте в историю не только, как предатели человечества, но и как трусы, самые трусливые и мерзкие трусы, действующие из тени! У вас одна минута.

Осталась одна минута.

Что же я могу сказать? Ваш план провалился! Вы убивали всех, кто мог продвинуть науку вперёд и преодолеть кризис в физике, а вот теперь я, простой детектив, собравший группу учёных, разрушу все ваши планы. Какая жалость... Менее чем через минуту ваш план рухнет.

Время вышло.

Данные новой частицы, таковы...

Троица работников ЦЕРНа чуть ли не тряслась в предвкушении.

Во-первых, эта частица...

Трансляция была резко прервана помехами. Мэйлань отпрыгнула от экрана, Василий не проронил ни слова, а Хидеки с сожалением вздохнул. Искажённый электронный голос, отличный от голоса Алефа, сквозь помехи объявил: «Никто не должен знать». Через полминуты сигнал восстановился, после чего вновь на экране появилась чёрная буква на белом фоне, а детектив продолжил свою речь:

Итак, я снова здесь. Почему же ты не убьёшь меня? Я провоцировал тебя, как мог. Сигнал восстановился сам собой, я жив. Давай! Давай! Сделай это! Или же ты не можешь? Не можешь? Не можешь... Тогда я раскрою твою тайну, раскрыв свою — я не обладаю нужными тебе данными, а сейчас ты, не сумев убить меня, только что раскрыл свои карты, ведь теперь я знаю одну твою слабость — ты не знаешь обо мне ничего. Ты смог прервать трансляцию, ненадолго, но смог. Ты обладаешь способностью делать то, что кажется физически невозможным. Это интересно. Ты способен убивать людей на расстоянии, по всему земному шару, ты способен прерывать разного рода сигналы, замещая их своей речью, однако ты не в силах убить меня.

Я обращаюсь ко всем людям мира. Да, сигнал транслируют теперь не только в ЦЕРНе, так что ты только что выдал своё местоположение. Я обращаюсь ко всем людям мира! Не оглашайте никаких сведений о феноменах, выходящих за рамки Стандартной модели, пере-

давайте сведения тайно в ближайшие к вам научные организации. Сведения эти не должны быть озвучены. Я занимаюсь этим делом — убийца будет найден.

— Он не дважды мой кумир! Нет, он трижды мой кумир! — восторженно крикнул Хидеки. Мэйлань и Василий в недоумении переглянулись. У всех учёных ЦЕРНа теперь не было никаких вопросов кроме одного. Только один вопрос: «Что это сейчас вообще было?»

Ночь, человек стоит на балконе, осматривая открывающийся ему вид на Токио. Свежий воздух, тишина, умиротворение. Человек стоит и рассуждает.

Итак, он не убил меня. Он убивает всех, кто хоть что-нибудь знает. Я поставлю свою жизнь на то, что он был уверен, что я что-то знаю. Он не смог убить меня. Более того, он убил человека, который ничего и знать не мог. Он убивает всех, кто только заявляет о том, что что-то знает. Он не проверяет сведения, более того, он ими не обладает. Он убивает лишь тех, кто засветился в СМИ. Он убил даже того учёного, что выступал по радио. Вместе с тем он убил подставного человека, но не смог убить меня. Хотя попытался помешать мне, но не смог. Это говорит о том, что эта некая сила, сеющая смерть, не из космоса, это не божественное вмешательство — эта сила здесь, на земле. На Земле, как на планете, и на земле, как в мире смертных. Я знаю, что убийца в ЦЕРНе. Во-первых, такая же трансляция шла в Акихабаре, там нет научных учреждений. Мне удалось проверить, является заявление о знании гарантом смерти. Во-вторых, убийца сам мне подсказал, своё местоположение. Учёный, выступавший по радио погиб в тот момент, когда в ЦЕРНе был день, тогда, когда этот учёный выступал на одной из швейцарских радиостанций. Подставная трансляция в точке Кси была лишь делом техники и проверки моих гипотез. Честно говоря, даже в моих самых светлых мечтах, мне было трудно поверить, что всё случится так, как случилось. Я отправляюсь к Большому Кольцевому Коллайдеру не в поисках новых частиц, но в поисках ответа, который не менее важен для слома старых представлений в физике, ведь, по известным нам законам, никто не способен убивать на расстоянии, предположительно, телепатически воздействуя на жертву.

ЧАСТЬ II — ПРОВЕРКА НА РЕШИМОСТЬ

Глава 7. ОТСЧЁТ НАЧАЛСЯ

2040-Й ГОД

Чжао Цзе стоял на смотровой площадке и напряжённо о чём-то думал. Вокруг были горы. Местоположение базы было засекречено, потому он не имел почти никаких связей с внешним миром, находясь в горах, однако вести о событиях последних дней, прогремевших по всему миру, дошли и в такую глушь. Будучи офицером, Чжао Цзе был обязан находиться в курсе последних событий, чтобы в случае угрозы предпринять все необходимые меры по поддержанию порядка в вверенном ему личном составе, если связь с высшим командованием прервётся. Ракетные войска НОАК имели стратегическое значение для страны, потому база была оснащена самым современным оборудованием, предназначенным для наблюдения за аэрокосмическим пространством, представлявшим собой системы раннего предупреждения о ядерном ударе. Сотни спутников ежесекундно мониторили состояние поверхности Земли в поисках подозрительных явлений — целью такого наблюдения являлось всё, что может указывать на старт ракет с ядерными боеголовками.

Величественные горы внушали трепет перед силами природы любому, кто взглянет на их Путь. Огромные, монструозные вершины, возвышавшиеся на многие километры над уровнем моря, располагались вокруг секретной базы. Солнце, проходящее по небосклону, с почтением относилось к величественным исполинам. Немногие суслики бегали вдали, показывая своим примером, что существует место, отделённое от мирской суеты, место, находящееся в центре этого мира. Духи горных рек и озёр тихо шептали свои песни всем, кто был готов их слушать. В одно мгновение мир показался пергаментом, по которому разливалась тушь, своими потоками образовывавшая толстые линии, которые становились шире ближе к низу рисунка — реки, тонкие угловатые линии, сходящиеся в одной точке — горы, прерывистый узор линий, чередовавшихся друг с другом — спокойная поверхность воды горного озера, трапецию, с отходящим от неё чертами — смотровая площадка, сложную фигуру, напоминавшую тень человека — Чжао Цзе.

Склонив свою голову в уважении к месту, солдат посмотрел на свои руки — он пребывал здесь и сейчас, в этом моменте, нигде больше. Чуть начавшийся ветер не прервал успокоение одинокого наблюдателя окружающего мира, наоборот, дуновение ветра привело Чжао Цзе в состояние повышенного внимания к деталям. Разглядывая озеро вдали, офицер отметил, что его поверхность по-прежнему оставалась спокойной.

Раздавшийся сигнал тревоги, вырвал умиротворённого человека из состояния успокоения. Достигнув сатори, увидев истинную суть мира, Чжао Цзе был вынужден вернуться к мирским делам. Сорвавшись с места, офицер уже отсчитывал двери в тоннеле, выдолбленном в скале, добежав до нужной, он встал, отдал честь присутствующим и громко отдал приказ: «Доложить об обстановке!» Когда пара солдат, рангом ниже, жестом подозвала своего командира к экрану компьютера, тот холоднокровно подошёл к монитору и десять секунд вглядывался в то, во что было невозможно поверить: с территории США, с Аляски, по направлению к Китаю стартовали две ядерные ракеты — на принятие решения оставалось несколько минут.

— Всего две ракеты?

— Так точно, офицер Чжао!

— Что по другим датчикам?

— Все показывают только две ракеты. Сработали все системы обнаружения!

— Перепроверьте ещё раз.

— Будет сделано, офицер Чжао!

Пере проверка ничего нового не дала. В комнате стояла гробовая тишина. Никто не знал, что делать. Если доложить верховному командованию, то тут же будет получен приказ об ответном ударе. Сигналов от других баз не поступает, что может указывать на то, что они уже уничтожены. Наличие лишь двух обнаруженных ракет может указывать на уничтожение большей части группировки спутников на орбите. В такой ситуации принять решение об ответном ударе нужно независимо от верховного командования. Офицер Чжао обратился к подчинённым: «Товарищи! Сейчас мир стоит на краю гибели. Наши системы раннего предупреждения указывают на то, что с территории Соединённых Штатов в нашем направлении стартовали две ракеты. Эти ракеты могут нести на себе не ядерные бомбы, а электромагнитные. В таком случае мы имеем дело с ударом, призванным сначала вывести все наши электронные системы из строя — тогда мы должны ударить первыми. С другой стороны, мы не можем быть уверены в достоверности данных, так как две ракеты — это слишком мало для такого противостояния. За неимением лучшей альтернативы, я предлагаю голосовать: поднимите правую руку те, кто за доклад верховному командованию, не поднимайте руку, если вы за то, чтобы ждать дополнительных данных. Голосуем двадцать секунд, вариант, который наберёт большинство голосов будет принят». Чжао Цзе достал из кармана круглые часы и начал отсчитывать время, за которое нужно принять решение, которое может стать роковым. В комнате находилось семь человек, что означало невозможность того, что два варианта реагирования на ситуацию наберут равное число голосов. В первые десять секунд два человека подняли правые руки, во вторые десять секунд к ним присоединился ещё один человек. Когда Чжао Цзе объявил об окончании голосования, три человека были за доклад верховному командованию, а четверо избрали позицию выжидания.

Неизвестно, чем всё закончилось бы, если бы первый вариант победил. Через мгновение после объявления результатов две красные точки, плывшие по синей карте мира в сторону Китая, исчезли с экрана. Пере проверка данных не выявила ничего — спутники на орбите отзывались на запросы, но ни о чём подозрительном не сообщали. Находящиеся в центре раннего обнаружения с облегчением выдохнули. Чжао Цзе попросил по рации докладывать обо всём подозрительным, после чего отправился обратно на улицу.

Вновь оказавшись на смотровой площадке, командир попытался придаться состоянию покоя и умиротворения, которого ему удалось достичь до того, как сработали системы предупреждения о ядерном ударе. Несмотря на усилия, прилагаемые для достижения чистоты ума, Чжао не мог сосредоточиться на дуновениях ветра и окружающей его местности — его разум метался от одного отрывка мысли к другому. Во основном все они были сосредоточены вокруг инцидента, однако одна из них была иного характера и в некоторой степени внушала ужас. Непреодолимое желание посмотреть на Солнце, нашу звезду, охватило Чжао Цзе. Не в силах сопротивляться иррациональному стремлению, он поднял голову вверх. Белоснежный диск с золотой каёмочкой начал выжигать глаза на него смотрящего. Через одну секунду вместо белого зарева офицер увидел черноту, словно свет стал настолько ярким, что глаз больше не способен его увидеть. Теперь Солнце виделось, как чёрный диск, обрамлённый двумя кольцами: белым и золотым. Через ещё одну секунду голова начала болеть. На третью секунду мир вокруг начал размываться, а образ чёрной точки по центру Солнца становился всё более чётким. На четвертую секунду из глаз потекли слёзы. На пятую секунду Чжао заткнул уши, лицезря то, как из звезды расходятся розовато-пурпурные лучи. Шестая секунда ознаменовала собой окончательное размытие окружающего мира. Седьмая секунда пролилась слезами из глаз Чжао Цзе, чувствовавшего, что сейчас с ним говорит сама Вселенная. Восьмая секунда стала последней. Не выдержав пытки, Чжао Цзе склонился и, опираясь на перила, вглядывался в пропасть. В голове ничего больше не звенело, все мысли покинули её, кроме одной, которая

была вопросом «Почему мы именно так видим Солнце?» Придя в норму, Чжао Цзе отошёл от перил и ужаснулся — перед его глазами были чёрные числа *12:11:23:59*.

— Это невозможно! — крикнул Чжао Цзе, припоминая, что нечто подобное уже было описано в старом фантастическом романе. Протирая глаза руками, офицер убедился в том, что числа меняют свой цвет в зависимости от того, на что он смотрит. Нечто подобное испытывали учёные из старого фантастического романа, которые Чжао Цзе читал в детстве, потому сейчас он был напуган. Он не верил в то, что недавние самоубийства учёных и числа в его глазах как-то связаны с высшей волей и старой книгой, однако такое совпадение повергало его в ужас. В этот момент по рации раздалось: «Офицер Чжао! Срочно возвращайтесь!» Прибежав в комнату, Чжао Цзе увидел нечто, чего ожидал увидеть меньше всего — солдаты натянули жёлтую верёвку вокруг терминала системы раннего предупреждения. Один из них подбежал к офицеру и, отдав честь, путая тоны и проглатывая звуки, судорожно докладывал о произошедшем, что казалось невероятным: «Если подойти к терминалу системы раннего предупреждения, перед глазами появятся странные числа». Обратив внимание на свои числа, Чжао Цзе озвучил: *12:11:20:17*. Лица находящихся в комнате изменились и стали выражать гримасы ужаса. Все переглянулись, а затем уставились на своего командира. Никто не осмеливался заговорить первым. Даже пыль, летавшая по комнате, улеглась, прерывисто шумящие лампы притихли, дыхание всех стало еле слышимым, все начали быстро моргать, но никто в следующие минуты две не проронил ни слова.

— Это какой-то обратный отсчёт, — с тревогой объявил тот, кто ближе всех стоял к верёвке, отделявшей всё пространство комнаты от зоны, принадлежавшей системе раннего ядерного предупреждения. Ещё раз переглянувшись, солдаты вновь замолчали. Со лба Чжао Цзе стекал пот, однако взгляд оставался невозмутимым.

— Когда это началось?

— В 14:00, если примерно. Вы ушли, затем прошло шесть минут. Я увидел числа, после чего позвал остальных. Никто до этого не видел, но подходя к системе раннего предупреждения, все начинали видеть.

— Это невозможно.

— Мы знаем, однако мы видим, вы видите, и видим мы одно и то же.

— То, что видит один можно подвергнуть сомнению. То, что видят двое может оказаться фальсификацией. То, что видят восемь может быть коллективным помешательством, но то, что видят восемь, будучи разделённым, находящимися в разных местах, должно быть правдой, иначе мы не сможем отличить сна от яви. То, что мы видим, объективная реальность.

Последние слова Чжао Цзе прозвучали для солдат, как приговор военного трибунала. Офицер стоял и ждал, когда кто-то что-нибудь скажет, но все молчали. В голове Чжао Цзе появилась новая мысль: «Это не связано с тем, что я смотрел на Солнце, иначе они бы не успели сделать все эти выводы и оградить терминал. Я не заметил чисел, потому что был ослеплён звездой, из моих глаз текли слёзы, потому я просто не сфокусироваться на числах».

— Что же будет, когда этот обратный отсчёт закончится? — спросил один из солдат. Чжао Цзе ответил: «Не знаю, но надеюсь, что дракон не поглотит Солнце».

О феномене было доложено высшему командованию. На базу в горах прибыл специальный контингент, состоящий из психиатров, физиков и солдат. Теперь был установлен новый порядок несения службы: дежурство за терминалами системы раннего предупреждения теперь несут три человека посменно. Каждая смена длится два часа. К удивлению Центральной Военной Комиссии, командующие ракетных войск по всему Китаю докладывали о феномене чисел, при этом если у простых солдат числа появлялись только при работе с системами, так или иначе связанными, с ядерным вооружением, то у командиров числа присутствовали постоянно. Объяснить эту загадку никто не мог.

Ядерные державы молчали о происходящем два дня, однако, когда стало ясно, что до завершения обратного отсчёта остаётся всего лишь девять дней, по инициативе Китая и России было созвано экстренное заседание Совета Безопасности ООН — никому не хотелось в одиночку выяснять, что произойдёт тогда, когда отсчёт завершится.

— Мы считаем, что все ядерные державы должны объединить свои усилия ради уточнения информации, касающейся обратного отсчёта, — говорил представитель Китая, — То, что происходит во всём мире, выходит за все рамки разумного, однако мы считаем, что события последних дней не должны разобщать народы Земли. Мы должны объединиться, если хотим докопаться до зерна истины, — завершил свою речь представитель Китая. Представитель России предложил план, состоящий из трёх пунктов:

Страны обмениваются информацией, касающейся обратного отсчёта.

Страны обмениваются информацией, касающейся последних научных достижений.

ООН организует международную комиссию по расследованию недавних событий, которая должна выявить взаимосвязь между самоубийствами учёных и обратным отсчётом, который видят солдаты, задействованные в принятии решений о нанесении ядерного удара, если таковая имеется.

План был принят к рассмотрению Советом Безопасности. Голосовать было решено не за весь план целиком, а за отдельные его пункты. Третий пункт был одобрен всеми членами Совета Безопасности, а на первые два пункта наложили вето США, Великобритания и Франция; Китай решил воздержаться от голосования по второму пункту, одобрив первый и третий. Комиссия, занимающаяся расследованием, была организована при Совете Безопасности и названа Комиссией Расследования Событий. Любая страна, желавшая принять участие в международном расследовании, могла отправить своих специалистов в ООН работать в новообразованном органе. К расследованию сразу присоединились Россия, Китай, Япония, Южная Корея и США.

В это время в ЦЕРНе происходила не менее захватывающая история. Расхаживая по сектору Lambda-6, Ямамура Хидеки, сам того не понимая, высказал шокирующую гипотезу, которая повергла в шок всех: простые числа в результатах экспериментов не были сбоем систем ускорителя, они не просто скрывали данные — они были посланием. Поднявшись из подземных помещений БКК, японский математик обратил свой взор к небу и на один миг оказался на родине. Вокруг стрекотали цикады, эти маленькие божественные создания, способные победить саму смерть, которым всё же суждено рано или поздно умереть.

Десять лет назад большое насекомое забралось под землю и пряталось от окружающего мира. И снег, и ветер, и дождь, и палящее солнце не могли заставить его показаться миру. Уподобившись Аматаэрасу, маленькое насекомое скрылось, и мир погрузился во тьму. Крики детей, бегающих по полю, стрекотание мелких кузнечиков и других цикад, песни девочек, собиравших маки, тюльпаны и незабудки — ничто не могло заставить насекомое покинуть убежище. Даже если бы сами Боги спустились на землю и начали бы веселиться, восхвалять другую цикаду, то насекомое не вышло бы на свет. Десять лет маленькое и незначительное существо держало обет молчания, не покидало свой храм. Десять лет оно бережно копило красоту, которую собиралось явить эту прекрасному миру. И когда настал момент, нечто вырвалось из земли. Расправив крылья, покрытые узорами, пережив второе рождение, понеслось над цветочным полем — цикада.

Над тысячами бутонов, лелеемых прохладным ветерком, раскинулась россыпь десяти тысяч звёзд. Небесная река² своим сиянием освещала цветы. Они впитывали её свет, словно он был водой, даруемой соседней рекой. Цикада неслась среди всего этого великолепия и обратила внимание на *Субару*, кучку звёзд, собранных вместе. Это были украшения, повешенные на ветку Богами, когда они старались выманить Аматаэрасу из пещеры³. Теперь же простая

цикада смотрела на них. Она была прекрасна так же, как мир, окружавший её. Заглядевшись на Цукиёми, цикада застыла, мир превратился десять тысяч черт на белоснежном полотне. Над прекрасным цветком парила зависла цикада. Над этой сценой сиял диск Луны.

Под жёлтой луной

Ветер шепчет

Песнь цикады

Вернувшись в реальность, Ямамура встретил Сунь Мэйлань. Поведав ей о своей теории, японец не понимал, что к чему приведут его слова. Все информационные экраны загорелись белым светом, после чего на них начала появляться последовательность. Эта последовательность заставила содрогнуться даже специалистов, прибывших вместе с представителем ООН. Когда Хидеки и Мэйлань переглянулись, они заметили, что рядом стоит высокий человек европейской наружности. Он вглядывался в числа, после чего произнёс: «Это самое загадочное из того, с чем мне приходилось иметь дело. Я Михаил Архипов, прибыл вчера. Вы уже вскрывали ящики и контейнеры, присланные вам?» Учёные стояли, не сумев даже повернуть голову к таинственному собеседнику, своим спокойствием внушавшим ужас присутствующим. У Сунь Мэйлань закружилась голова, заметив то, как она падает в обморок, Хидеки быстро среагировал и помог ей устоять на ногах.

— Зачем вы здесь?

— Я расследую дело обратного отсчёта.

— Того самого, о котором заявили Китай, Россия и США?

— Отсчёт завершится через девять дней. Никто не знает, что произойдёт после этого.

— Мы простые физики, математики, аналитики данных. Нам не под силу разобраться с этим явлением за столь короткий срок. Отсчёт начался сразу во всех странах.

— В ЦЕРНе работают люди со всего света. Вам прислали секретные документы Советского Союза, Китая и США, и вы до сих пор считаете, что вам, величайшим умам планеты не хватит сил для того, чтобы разгадать загадку и спасти человечество?

— Спасти человечество? О чём речь? Вы пугаете доктора Сунь.

— По завершении обратного отсчёта может произойти всё, что угодно. По всему миру математики и физики кончают жизнь самоубийством, как в старой книжке!

— На что вы намекаете?

— А мы пока ещё живы! Почему? Почему умер Лебедев? Почему приговорённый к смерти преступник из той трансляции, проведённой день назад, воткнул себе ручку в горло?

— Потому что убийца, или убийцы, подумали, что они что-то знают.

— А дальше?

Хидеки молчал и удерживал шокированную Сунь Мэйлань от падения. В этот момент Архипов достал из кармана кожаной куртке сигарету и закурил. Японец и китайка отошли в сторону. Едва знакомый паре учёных человек сам ответил на свой вопрос, продолжив разговор.

— Те, кто стоит за всем этим, пытаются нас убедить в том, что рационального объяснения нет. Они водят нас за нос, подсовывают нам сюжеты из старых книг, фильмов и прочего ради того, чтобы мы утратили доверие по отношению к своим чувствам. Они собираются стереть грань между реальностью и вымыслом, чтобы мы никогда не смогли разобраться. Американский представитель в ООН заявил, что если выяснится, что за всем этим стоят Китай и Россия, то США предпримет любые допустимые меры ради того, чтобы «покончить с врагами человечества раз и навсегда».

— Подождите. Он так и сказал? Покончить с... «врагами человечества»?

— Я не повторяю дважды то, что уже было сказано мной.

— В таком случае у нас назревает раскол.

— Раскол назревал с самого начала, с того самого момента, когда одна обезьяна взяла камень и проломила череп другой обезьяне. С того самого момента человек стал человеком, таким, каким мы его знаем.

— Вы хотите сказать, что человеческая природа — разрушение и убийство себе подобных?

— Снова неверно, — с разочарованием произнёс Архипов, затушив окурочек о металлический корпус мусорки.

— Тогда что же вы хотите сказать?

— Я из Главного Разведывательного Управления, моя работа состоит в том, чтобы следить за угрозами снаружи моей страны. Работа ракетных войск состоит в том, чтобы устрашать всех, кто имеет потенциал напасть. Когда произошло первое убийство, люди познали Устрашение.

— Они начали угрожать друг другу смертью? Человеческая природа заключается в сдерживании потенциальной, на его взгляд, угрозы? — с восторгом заключил Хидеки.

— Это следствие, а не причина. Сможешь догадаться, в чём же кроется основа Устрашения?

— Если не в силе, которой можно устрасить, то в способности быть устрашённым?

— Абсолютно, верно. Люди начали устрасать друг друга после первого убийства не потому, что убийство гарантирует смерть, после которой неизвестно, что будет. Нет, это было бы очень просто. Основой Устрашения является известность того, что есть сейчас, дающая способность быть устрашённым. Скажи мне, ты боишься боли?

— Смотря какая боль...

— Все люди боятся боли, потому представь себе два варианта: тебя запытают до смерти, либо твоя жизнь просто прервётся.

— Я выберу второй вариант.

— Потому что ты боишься боли. А теперь представь себе следующий выбор: ты умрёшь прямо сейчас, ты умрёшь в неизвестном будущем.

— Второй вариант.

— Теперь третий выбор: ты не знаешь, когда умрёшь, и ты знаешь, когда умрёшь.

— Первый вариант.

— Четвёртый выбор: тебе известна дата твоей смерти, тебе известна дата, в которую ты можешь умереть, а можешь и не умереть.

— Второй вариант.

— Вот видишь, в чём штука. Если откинуть боль и страдания, то человека пугает неизвестность. Более того! Ты готов выбрать ещё большую неизвестность, если она дарует тебе шанс на спасение от неё самой же.

— Основа устрашения — невозможность узнать, что будет после смерти?

— Смотри на вещи шире. Во времена Холодной войны мы окутали сетью баз всю Землю, лишь бы пораньше узнать о запуске ядерных ракет противника, чтобы успеть нанести ответный удар. Противник мыслил точно так же. В итоге две сверхдержавы соревновались сначала в разрушительной силе своего оружия, а затем в том, кто быстрее успеет его применить. Чем тебе не неизвестность?

— Вторая неизвестность! Люди не знают, что будет после ядерного холокоста и потому делают сам факт его наступления...

— В большей степени случайным событием, — завершил тезис японца разведчик из ГРУ.

— Это означает, что люди перешли от устрашения смертью к устрашению Устрашением?

— Всё верно. Люди начали раскручивать маховик запугивания.

— И такие цепочки устрашения могут быть сколь угодно длинными. Но есть ли предел?

— Это зависит от времени и того, чем устрашают.

— Получается, что сейчас нас устрашают неизвестные силы неизвестно чем?

— И потому наша ситуация катастрофическая. По завершении отсчёта произойдёт конец света. Даже если ничего не произойдёт, мир рухнет в глазах людей, ведь люди перейдут черту, не сумев остановить отсчёт. Они останутся один на один сами с собой, с призраками своих представлений.

— Получается, что люди устрашают себя же своим разумом?

— Да, разум стал причиной того, что числа оказали такое влияние на нас.

— Но ведь разум у нас был всегда. Это означает, что способность бояться у нас была тоже всегда. Как заявил представитель Китая, не все солдаты на постоянной основе видят числа. Лишь оказавшись способными провести ядерную атаку...

В этот момент троица переглянулась. Птицы замолкли, травинки перестали колыхаться, ветерок испарился. Мир застыл в моменте, но время неумолимо потоком реки стачивало гору мироздания. Сунь Мэйлань произнесла: «Будучи способными устрашать, люди начинают видеть отсчёт. Люди всегда могли думать. Отсчёт был с нами всегда, просто мы достигли высшей точки Устрашения, когда наш разум стал его орудием. Отсчёт начался на заре человечества. Числа всегда отмеряли сокращающийся промежуток известности, морозным дыханием приближая нас к тому, чего мы подсознательно боимся сильнее самой страшной пытки на свете — неизвестности».

Глава 8. НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА I

2040-Й ГОД, 23 ИЮЛЯ

Общее собрание сотрудников ЦЕРНа ознаменовало открытие ящиков, присланных Организацией Объединённых Наций. На сцену вышла какая-то японская девочка. Учёные начали перешёптываться, не понимая, что она может здесь делать.

— Я Накамура Дзюнко, математик-теоретик из Японии. Мне двадцать лет, но несмотря на это, математическое общество сочло меня достойным кандидатом для участия в расследовании инцидента на Коллайдере, — объявила девочка, чем вызвала негодование всех присутствовавших. Несмотря на возгласы «Да что она может сделать? У нас гибнут люди, а нам шлют детей!», Дзюнко объявила: «Мы вскроем ящики и будем действовать согласно предписанию Алефа!» После этого на экране, перед которым стояла девочка, появилась уже всем знакомая буква. Низкий компьютерный голос высказал то, что вертелось на уме каждого, причастного к исследованию.

Теперь мы будем следовать плану, разработанному мной. Первое, что вы должны уяснить, заключается в том, что теперь ваш ум — ваш враг. Любая неосторожно высказанная мысль может привести вас к тому, что вы напишите на листке бумаги три слова, а затем убьётесь обо что-нибудь. В связи с этим никто кроме меня не должен обладать полной картиной расследования. Это может вызвать жаркие дискуссии, однако на других условиях я не согласен работать. Никто не знает, кто я и где я. Это тоже часть плана. Я направил группу специалистов в ЦЕРН. Среди них находится мой представитель. В связи с этим я прошу вас не препятствовать их работе. ООН с трудом согласилась работать в таком режиме и далеко не все мои условия были ей приняты, потому что расследование столкнётся с некоторыми трудностями. Опыт с заключённым показал, что верны следующие четыре тезиса. Можете называть их, как пожелаете.

Тезис первый: публично высказанное знание о новом факте в фундаментальной физике и математике ведёт к неминуемой гибели.

Тезис второй: убийца не может прочесть мысли жертвы.

Тезис третий: предположительно, убийце достаточно знать имя жертвы для того, чтобы совершить задуманное.

Тезис четвёртый: убийца является человеком.

Это пока всё, к чему мне удалось прийти. Прошу проявлять бдительность. Я буду выходить на связь в 14:00 по центральноевропейскому времени. Это пока всё на сегодня.

Дзюнко покинула сцену, уступив место Клаусу Штейнеру, который не знал, что сказать. Руководитель исследовательского центра вглядывался в свет проектора, разделявшийся на потоки трёх цветов: красный, синий и зелёный. Лучи света, ослепляли учёного, но несмотря на это, он продолжал вглядываться в белую бездну, которая на самом деле была чем-то большим. Переливающийся хаос цветов захватил ум Клауса Штейнера. Не в силах оторвать взгляд, он молчал, будучи замороженным зрелищем, разыгрывавшимся перед его взором. Несколько десятков человек ожидали, когда их руководитель скажет хоть слово, однако молчание продолжалось. В этот момент со своего места встал Хидеки, осмотрелся, узнал по часам время и, дождавшись 15:00, спокойно сказал: «Вы тоже видите числа?» Сидящие в зале, повернулись к Хидеки, а затем с ужасом уставились на Клауса Штейнера, который в ответ произнёс: 8:23:59:51. Перед глазами руководителя ЦЕРНа была яркая лампа проектора, которая, соединяя три цвета давала круг белого света, поверх которого виднелись чёрные цифры, отсчитывающие неумолимое движение времени к событию, которое повлечёт за собой нечто, что навсегда изменит жизнь человеческой цивилизации. Время текло к моменту, который разделит жизнь всех людей на «до» и «после».

До конца отсчёта оставалось меньше, чем девять дней. Учёные начали перешёптываться. В результате один из них встал и заявил, что не видит никаких чисел перед глазами. В этот момент встало несколько людей. Среди них были: Сунь Мэйлань, Михаил Архипов, Василий Петров и Накамура Дзюнко. Вновь в комнате воцарилось молчание. Ямамура Хидеки повернулся ко вставшим и приложил правую руку к виску, изображая позу мыслителя.

Белый свет мерцал в глазах на него смотрящих. Сотни и тысячи линий, рождаемых белым светом, кружились в сознании тех, кто смотрел на лампы. В комнате, не имевший окон, все ощутили себя словно в могиле. Группа вставших людей, Хидеки, Клаус и остальные присутствующие словно лишились дара речи. В бетонной коробке воцарилась гробовая тишина. Так могло продолжаться ещё сколько угодно долго, однако Хидеки осмелился высказать гипотезу, основанную на словах своего русского коллеги.

— Итак, как мы знаем, первыми начали видеть обратный отсчёт солдаты, служащие в силах ядерного Сдерживания, — объявил японец.

— У вас есть объяснение происходящего? — хладнокровно спросил Клаус Штейнер.

— Я не уверен, что это можно назвать объяснением. Итак, если в этой комнате есть убийца, то я, вероятно, умру, как только выскажу основу своей теории.

— Вы подозреваете одного из присутствующих?

— Алеф сказал, что убийца в ЦЕРНе. Он бродит по этим коридорам, дышит этим воздухом, ест нашу с вами пищу, но это абсолютно неважно! Важно то, что мы стали частью системы самоустрашения человечества. Подобравшись к основам мироздания, мы открываем нечто неизвестное, нечто, что способно в корне изменить наше представление о мире. Это означает, что это знание можно обратить против других людей, вызывая всё большую и большую неизвестность.

— На что вы намекаете? Мы уподобились военным?

— В некоторой степени, да. Что нам принципиально неизвестно и до самого конца таким останется? У вас есть ответ? — спросил всех присутствующих Хидеки, но услышав лишь тишину, продолжил, — Ответ: то, что будет после смерти. Устрашение началось тогда, когда произошло первое убийство, когда один человек впервые убил другого человека. Затем люди создали оружие массового геноцида, называемое нами атомной бомбой. Теперь Устрашение приняло цивилизационный характер — мы способны стереть с лица Земли почти все следы человеческой цивилизации. В итоге ядерные державы начали совершенствоваться не только в разрушительной силе своего оружия, но и в средствах доставки. Стараясь избавиться от неизвестности нападения противника, погрузив его в неизвестность своего нападения, люди начали устрашать друг друга неизвестностью, ведущей к другой неизвестности. Такие цепочки неизвестности могут быть сколь угодно длинными, но смысл не в этом. Смысл в том, что мы подошли к некоему фундаментальному пределу, после которого...

— После которого что?

— Я не знаю. Теперь мы, осознав эту истину, получив документы проекта «Глас Небес», стали подобны тем, кто ответственен за принятие решения о нанесении ядерного удара.

— Вы считаете, что мы способны уничтожить мир?

— Я боюсь, что этим осознанием мы уже его уничтожили, просто не заметили этого.

Когда диалог двух человек закончился, все присутствующие в зале вновь слышали журчание и звон — они вновь слышали звук своего кровообращения. Наверное, так и звучит тишина, которую некоторые хотят услышать, когда вокруг слишком громко. На лицах учёных были печаль и смятение. Кто-то потирал салфеткой свои очки, кто-то выписывал уравнения в тетради, кто-то оглядывался по сторонам, кто-то в слезах выбегал из зала.

— Нет! Это неправда! Это всё чьи-то происки! — раздался крик молодого специалиста, у которого сдали нервы, — Это всё ложь! Мы откроем новые частицы! Даже если нам придётся разорвать семь других пространственных измерений! Мы порвём весь мир, но дойдём,

дорвёмся до истины, и никто нас не остановит! — в неистовстве кричал учёный, который, как все догадались по его речи, занимался теорией струн. Никто не проронил ни слова, все боялись подойти к обезумевшему, отчаявшемуся физику. Не сразу все заметили, что что-то не так — кричавший перестал выглядеть озлобленным, теперь он производил впечатление напуганного, загнанного зверя. Резко озираясь по сторонам, он крикнул: «Больше ничего нет!» Затем склонившись побежал по направлению к стене. Когда его тело столкнулось с бетоном послышался хруст — это сломалась шея от сильного удара. Тело в судорогах медленно «растеклось» по полу. Хидеки, Мэйлань, Архипов и Дзюнко переглянулись. В их испуганных глазах читалось: «Он умер после того, как упомянул о высших размерностях». Никто из осознавшей четвёрки не осмелился вслух высказать эту гипотезу. Дзюнко села на пол и, закрыв лицо руками, начала раскачиваться. Мэйлань тут же подбежала к ней и пыталась её успокоить, но безуспешно. Разведчик из ГРУ подошёл к Хидеки и отвёл его в коридор.

— Теперь думаю, что ты понимаешь, что за чертовщина здесь происходит!

— Он! Он... Он просто сказал о... Он сказал и...

— Только вам под силу разобраться в происходящем. Где ящики?

— На сцене. Их сегодня должны были открыть.

— Я боюсь, что их теперь никогда не откроют.

— Почему?

— Потому что в стенах вашей организации произошло уже две смерти. Алеф возьмёт дело под полный личный контроль и изымет все материалы!

— Зачем ему это делать?

— Тебе не кажется, что всё это неспроста? Лучший в мире детектив, убийца, уничтожающий учёных на расстоянии, обратный отсчёт, который видят люди по всему миру... Всё это какой-то азиатский сериал, конца которому явно не предусмотрено!

— Что вы предлагаете? — спросил Хидеки. В этот момент Архипов достал из куртки складной нож и приставил к животу японца.

— Ты станешь моим человеком в группе расследования, которая скоро будет образована.

— Вы хотите, чтобы я работал на ГРУ?

— Нет, ты будешь работать на меня и всё человечество. Ты будешь сливать мне все данные, проверять мои гипотезы. Шаг влево, шаг вправо — расстрел, как у нас говорится.

— Почему вам самим не...

— Потому что это не моя работа. Моя работа заключается в том, чтобы содействовать расследованию и следить за тем, чтобы всё не покатило куда подальше.

— Значит, с этого момента вы начинаете вести своё расследование?

— Я начал его вести, как только правительство сообщило мне о том, что из РВСН поступило сообщение о странных галлюцинациях.

— Ракетные...

— Ракетные Войска Стратегического Назначения, но тебя это не касается. Сейчас мы вернёмся в зал. Только пикнешь — убью. Этого разговора не было, мы почти незнакомы. Всё понял?

Когда Хидеки кивнул, Архипов убрал нож от его живота, после чего они вместе вернулись в зал, в котором можно разворачивалась пугающая сцена: Дзюнко шептала, что не может поверить своим глазам, Мэйлань обнимала её и на ломаном японском шептала, что всё будет хорошо, толпа учёных окружала тело погибшего коллеги, Клаус Штейнер задумчиво смотрел на ящики с документацией и оборудованием проекта «Глас Небес», что были доставлены ночью. Архипов шепнул Хидеки на ухо: «Пусть открывают. Помни, отклонение от линии и...» Подойдя к сцене Ямамура Хидеки, набравшись смелости, уставился на руководителя ЦЕРНа. Выдав из себя «Их нужно открыть, как можно скорее, иначе мы не получим ответов», он быстро отвёл взгляд в сторону, стараясь не встречаться глазами ни с кем. Руки математика

тряслись, а со лба сходил не первый пот. Испытав головокружение, он присел на один из свободных синих пластиковых стульев. Заметив, что новообретённого русского знакомого нигде не видно, Хидеки с облегчением выдохнул. В голове у него пронеслось: «Теперь я между трёх огней. Первый огонь: убийца, не желающий, чтобы человечество проникло в тайны высших измерений. Второй огонь: я сам, ведь одной своей мыслью я могу дойти до того, чего мне лучше бы не знать. Третий огонь: Архипов, теперь он может в любой момент решить, что я перешёл красную черту и тогда...» После этой мысли Хидеки пришёл в ужас, ведь метафора с тремя огнями отсылала к чему-то страшному, что было описано в какой-то книге из начала века. Эта книга была посвящена тому, как человечество столкнулось с чем-то неизведанным, пришедшим из системы трёх звёзд. Он подобно планете из книги впадал то в состояние безопасности, то находился на краю гибели. В глазах тут же сверкнуло, а в уме пронеслось: «Задача трёх тел».

Хидеки вздрогнул, когда услышал знакомый голос — это был Архипов, принёсший ему воду. Приняв тёмно-белый пластиковый стаканчик, студент Токийского университета начал жадными глотками осушать его. Ледяные потоки жидкости минуя ротовую полость проникали сквозь горло, протекая по пищеводу. Ощувив приятное жжение в горле, Хидеки убрал стаканчик от губ и начал разглядывать поверхность оставшейся воды. Она представляла собой океан, спокойный океан. Разум японского исследователя опустошился — сердце Хидеки познало дзен. Ощущая прохладу воды, содержащейся в стаканчике, Хидеки заметил, что больше не боится Архипова, не беспокоится о содержимом контейнеров, не переживает насчёт убийцы. Весь он пребывал здесь и сейчас. Кристально чистая вода отражала состояние его духа, его безмятежность, дарующую ему устойчивость и силу, равной которой не было за всю историю человечества.

Учёные столпились у сцены. Клаус Штейнер распорядился открыть первый ящик. Вода в стакане не колыхнулась, Хидеки отвёл от неё взгляд, сохранив своё пребывание в моменте и чистоту своего ума. Щелчок замков, открытие крышки. Вода спокойна. Два человека с жадными глазами в спешке достают целлофановый пакет, набитый пожелтевшими от времени папками, содержащими в себе один из самых загадочных документов за всю историю человечества. Поверхность воды не изменилась. Возгласы удивления. Безмятежность воды в стакане. Спешное открытие ещё нескольких ящиков. Вода по-прежнему спокойна. Что-то про Эпсилон Эдриана и Альфа-Центавра. Вода спокойна. Крик про Трисолярис. Вода спокойна. Возглас: «Три тела!» Вода расплескалась. Теперь не оставалось сомнений — все, кто так или иначе связан с происходящим, ознакомлены с этой книгой, и убийца тоже. Неужели это чей-то план? Все прочтут «Задачу трёх тел» Лю Цысиня, а затем действительность пугающими шагами станет похожей на мир фантастического романа? Кому и зачем нужно творить такое?

Задача трёх тел не имеет аналитического решения в общем случае. Движение объекта в механике Ньютона описывается дифференциальными уравнениями. Вы можете рассчитать все возможные состояния системы для одного тела, для двух тел, но не для трёх. Зная в точности изначальные параметры системы, вы можете использовать уравнения для того, чтобы предсказывать её будущее состояние, но у такого подхода есть одна крупная проблема — малейшее отклонение заданных параметров модели от истинного положения дел повлечёт за собой такие расхождения с реальностью, что простое угадывание может оказаться гораздо более результативным, чем расчёты. Ямамура Хидеки прекрасно знал это, он прекрасно знал, что если люди столкнутся с необходимостью решать подобную задачу, то последствия будут катастрофическими.

Пак Со Ён и Ивакура Акико сидели в столовой и оживлённо беседовали о происходящих в мире событиях. На столе были онигири, рисовые лепёшки с разной начинкой, завернутые в лист водорослей нори. Помимо онигири на столе находилась чашка с соевым соусом и два стакана с родниковой водой. Со Ён и Акико больше говорили друг с другом, чем ели.

— Эти числа, которые видят военные, не могут быть коллективным помешательством, верно? — спросила Акико у Со Ён.

— Никак не могут. Люди разных культур, разделённые тысячами километров, не могут просто так взять и сойтись в одном. Конечно, нельзя недооценивать влияние коллективного бессознательного. Помнишь? Мы не раз сталкивались с феноменами, которые могут быть объяснены только теорией коллективного бессознательного, однако я считаю, что наш случай не из таких.

— Я хотела сказать, что мы понятия не имеем, с чем столкнулись. Неизвестно, кто первый начал видеть числа. Если бы мы могли хоть откуда-то узнать это...

— То что изменилось бы? Вот представь, Акико, что у нас есть этот человек. Что он мог бы нам рассказать? В какой-то момент перед его глазами появились числа. Всё. Больше ничего.

— Меня пугает обстановка, которая возникает в мире.

— Меня тоже она меня пугает, но мы сейчас не можем ничего сделать.

— Мне страшно, Со Ён.

— Мне тоже, но мы десять лет бродили в лабиринтах человеческой психики. И чего же мы только не наслушались. Разве какие-то циферки способны нас испугать? Вот последствия... Но о них лучше не думать. Не переживай о том, чего не можешь изменить.

— Помнишь, когда мы в 18 лет с тобой поступили на одно и то же направление? В итоге ты стала космологом, а отказалась от такой участи.

— Почему же «участи»? Это же так интересно! — смеясь отвечала Акико.

Акико и Со Ён ещё долго болтали друг с другом. Их диалог продолжался ещё час. Когда еда на столе закончилась, они расплатились за обед и отправились гулять на улице. Ветер трепал волосы девушек, бродящих по городу. Солнце своими лучами напоминало о величии Вселенной и незначительности человеческих проблем на фоне бесконечности мироздания. Цикады стрекотали песнь, которую невозможно было не слушать. Акико улыбалась и рассказывала своей подруге о том, как она, несмотря на значение своего имени, любит весну и лето: «Знаешь, Со Ён? Для нас, японцев, природа очень и очень важна. Мы верим в то, что каждый предмет в нашем чарующем мире имеет свою душу. Каждое живое существо имеет сознание. Да, да! Я знаю, что это ненаучно, но я хочу верить и верю в это! Ах, как прекрасна цветущая сакура! Как прекрасна песнь цикад! Только представь себе! Мы ходим туда-сюда и даже не обращаем внимание на это великолепие. Нельзя же так!» Со Ён с умилением смотрела на то, как Акико, кружась, подбегает то к одному дереву, то к другому. Гуляя среди бетонных зданий и слушая гул проводов, две подруги покинули центр города. Сев на поезд на станции Сибуя, Акико и Со Ён покинули Акихабаре, район, под завязку набитый электроникой, фотоникой, вошедшей в широкое употребление в конце тридцатых годов, и прочими чудесами современной технологии.

Наблюдая за тем, как за окном проносятся один за другим дома, Акико обратила внимание на игру лучей закатного солнца — металлические элементы крыш домов особым образом преломляли свет, рождая десятки резвящихся в глазах смотрящей солнечных зайчиков. Так продолжалось до тех пор, пока пункт назначения не был достигнут. Через некоторое время, добравшись до берега Тихого океана, японка и кореянка смотрели на то, как оранжевый диск освещает мистические просторы, манящие душу любого человека, способного открыться им.

Глава 9. НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА II

2040-Й ГОД, 24 ИЮЛЯ

В ЦЕРНе были приостановлены все работы. Большая часть учёных отказалась присоединяться к расследованию и решила вернуться в свои страны. Научное учреждение, которое должно было стать маяком во тьме, оказалось символом заката стремлений и отказа от надежд. Причиной этого стали документы секретного проекта «Глас Небес». Извлечённым материалам невозможно было поверить и, вместе с тем, невозможно было объявить их чепухой, ведь сам Алеф согласился взяться за дело и не воспрепятствовал доставке документов, о которых не мог не знать.

— Доктор Ямамура, подойдите сюда! — крикнул Клаус Штейнер. Хидеки отвлёкся от размышлений и подбежал к руководителю ЦЕРНа. В этот момент по громкой связи объявили: «Совет Безопасности ООН выпустил срочное заявление! Всем явиться в зал!»

— Что вы хотели сказать мне?

— Уже ничего.

— То есть?

— Конец света наступает.

Толпы учёных, даже тех, кто собирался уехать, сбежались в зал, чуть не образовав давку. Технические специалисты спешно налаживали проектор в тот момент, когда Хидеки и его знакомые спешили занять первые места в зале. Дзюнко, добежав до первого ряда, споткнулась и уронила все бумаги, что держала в руках. Когда Хидеки опустил на них свой взгляд, он не мог поверить своим глазам — он увидел точную модель чёрной дыры. Такую же, какую предсказывает современная физика. Рядом виднелась фотография, такая же, что получили учёные в далёком 2019 году. Дзюнко спешно собрала бумаги, извинилась за предоставленные неудобства и уселась рядом.

Экран начал мерцать, затем в зале погас свет. Проектор стал транслировать изображение напуганного пресс-корреспондента, выступавшего с трибуны с символом Организации Объединённых Наций:

Совет Безопасности ООН устроил второе срочное собрание за эту неделю. В этот раз причиной послужили события, происходящие не на Земле, а в космосе. Согласно наблюдениям орбитальных телескопов, в Солнечную систему вошёл неизвестный объект, предположительно межзвёздного происхождения. Это не привлекло бы внимания глав государств, однако в свете последних событий представители Китая и России высказались в пользу реорганизации Комиссии Расследования Событий в Комитет Стратегической Эвристики, которому предстоит заниматься разработкой и исполнением планов на случай угрозы планетарного масштаба.

В момент этого заявления в зале погас свет и из динамиков послышался скрежет.

Совет безопасности ООН единогласно принял инициативу.

Комитет Стратегической Эвристики будет наделён наднациональными полномочиями. В его задачи будет входить разработка и претворение в жизнь планов, направленных на обеспечение безопасности человечества. Некоторые лица высказываются об инопланетной природе происходящих событий, потому в ведении Комитета будет также разработка плана контакта и взаимодействия с другой цивилизацией.

Российский представитель связался с Интерполом и попросил передать Алефу предложение возглавить Комитет. Напомним, что Алеф — таинственный детектив, скрывающий свою личность. На его счету такие дела, как поиск последних представителей Аль-Каиды и раскрытие планов секты «Дети огня», намеревавшейся взорвать несколько атомных станций.

Алеф принял предложение присоединиться к Комитету, однако отказался возглавлять его. Более того физически он присутствовать в штаб-квартире расследования не будет. Штаб-квартирой расследования был назначен стратегический центр, построенный на острове Итуруп при содействии Китая, Японии и России.

— Остров Итуруп! — закричал Хидеки, чем до смерти напугал рядом сидевшую Дзюнко, — Это тот самый остров, с которого был отправлен сигнал в космос в 1961-м году! — кричал Хидеки, не боясь за собственную жизнь. Дзюнко с любопытством посмотрела на него, а потом тут же уткнулась в бумаги, содержащие в себе пугающие сведения о технологиях, которых просто не могло быть в середине двадцатого века — передатчик работал не только в радиодиапазоне. Где-то под землёй располагалась огромная струна из сверхпрочного материала повышенной плотности, которая вибрировала и посылала тем самым сигнал, состоящий из гравитационных волн. Математические расчёты, обосновывавшие факт существования такого материала были более, чем странными. Сначала Дзюнко улыбалась, но потом накрыла лицо руками и тихо заплакала. Хидеки забрал у неё бумаги и его вырвало прямо на пол. То, что он держал в руках было очень чёткой фотографией разрезанного пополам человека. Верхние ткани были так ровно и аккуратно срезаны, что создавалось впечатление их изначального отсутствия. Внизу фотографии была подпись: «Испытание «Струны» на теле человека». Придя в себя, Хидеки не мог поверить, что одной маленькой струной возможно сотворить такое. Он помнил, что в старых фильмах ужасов часто показывали то, как леской человека разрезает на несколько частей, но он не мог представить себе, что такое действительно возможно в реальности. На другом листе находились вычисления, на первый взгляд не поддающиеся никакой логике — определённые интегралы разных порядков, дающие одно и то же числовое значение, провозглашались дающими разные плотности. В этом и заключалась загадка «Струны», представлявшей собой объект, состоящий из материи более плотной, чем всё то, что нас окружает.

Дзюнко поспешила за водой для Хидеки. Выйдя в коридор, она заметила, что помещения казались ей такими блестящими и чистыми. Новый ускоритель частиц был введён в строй совсем недавно, но всего через два дня после первого пуска люди решили покинуть его, бежать так же, как крысы бегут с тонущего корабля. Дзюнко расплакалась. Она не могла поверить в происходящее. Здание Большого Кольцевого Коллайдера открыло японке свою душу, оно плакало вместе с ней, желая приносить свет знания человечеству, оно стало символом разрушенных надежд. Налив воду в стакан, она поспешила к Хидеки, но побоялась входить в зал. Перебором страх, она лёгким прикосновением оттолкнула дверь и бесшумно вошла. Идя к Хидеки, она не могла не заметить, что все в зале стоят. Клаус Штейнер был окружён учёными. Руководитель ЦЕРНа спокойным голосом объявлял: «Я приму любое ваше решение. Находясь здесь, вы подвергаете свою жизнь опасности. Вы имеете право покинуть это проклятое место. Если вы не желаете ворошить осиное гнездо прошлого, если вы не желаете ввязываться в противостояние космических существ, если вы не желаете принимать участие в расследование и будущем пуске коллайдера, который может повлечь за собой гибель всех, находящихся в этой комнате, то уходите. Это будет правильное решение. У всех вас есть родственники и семьи. Вы не обязаны становиться теми, на чьих костях будет построено будущее человечества, однако если же вы решите остаться, чтобы продолжать светить даже в самые тёмные времена, то... Вы знаете, что нас всех ждёт». Дзюнко вновь прослезилась. Она выронила стакан с водой, но никто не обратил на неё внимание. Стакан стукнулся о пол, вода, растекаясь образовывала причудливые формы и узоры. В этот момент пять человек положили свои пропуска на стол, стоящий перед сценой, развернулись и направились из зала. Затем подошли ещё пять человек. Организованными группами учёные сдавали пропуска и готовились навсегда покинуть детище своих трудов. Хидеки подошёл к плачущей Дзюнко и обнял её. К нему подошла Сунь Мэй-лань. Вскоре группа знакомых между собой людей столпилась около стола, но никто даже не

думал покидать коллайдер. Через одну минуту зал опустел — остались лишь Хидеки, Клаус, Мэйлань, Михаил и Василий.

— Мы останемся, несмотря ни на что, — произнёс Михаил. Клаус кивнул. Белые лампы начали мерцать. Неожиданно входная дверь скрипнула и в комнату вошёл человек лет пятидесяти. В этот момент Архипов шепнул Хидеки: «Будь готов делать то, что я скажу». Напряжение витало в воздухе, смерть могла наступить в любой момент, но случилось нечто невероятное. Вошедший в комнату подошёл к группе людей, поклонился им и представился: «Здравствуйте! Я рад видеть вас, члены Комитета Стратегической Эвристики! Я Алеф, я расследую это дело, вы мне поможете. Можете называть меня Дзюхито».

— Алеф... вы? — чуть не провалившись сквозь землю спросил Хидеки.

— Я знаю, что тот громила более похож на детектива, — произнёс Дзюхито, указывая на Архипова.

— Какова наша задача?

— Столкнём материю и антиматерию на околосветовой скорости.

— Зачем?

— Чтобы проверить, не врут ли нам в документах, которые мне удалось достать для нас.

— Когда запуск?

— Сейчас.

Группа людей направилась в сектор Lambda-6, в котором располагался уже до боли знакомый регистратор столкновений ускоренных частиц. Когда все оказались на улице, Архипов шепнул Хидеки на ухо: «Прости за случай в коридоре. Я не был уверен. Теперь мы работаем вместе. Можешь больше меня не бояться». Дзюнко, разглядывая всё вокруг, заострила внимание на том, как Дзюхито изредка останавливался и смотрел на цветы. Когда никто не видел, он доставал из кармана лабораторного халата стёклышко, содержащее внутри себя цветочек сакуры. Дзюнко чуть-чуть приблизилась к детективу и сделала вид, что любит закатом. Когда Дзюхито посчитал, что его никто не слышит он прошептал: «Айко, моя Айко, я всё ещё люблю тебя». Услышав эти слова, девочка остановилась и схватилась за сердце, еле сдерживая слёзы: она вспомнила про то, как читала старую газетную статью о смерти девушки по имени Айко на одной из железнодорожных станций. Этот случай спровоцировал целую волну протестов в Японии. В результате виновников произошедшего выдворили из Японии, после чего на несколько лет иностранцам было практически невозможно попасть в страну цветущей сакуры. В конце статьи, прочитанной Дзюнко содержались последние слова Айко: «Я стану цветком».

Глава 10. СТОЛКНОВЕНИЕ

2040-Й ГОД, 24 ИЮЛЯ

Оказавшись в нужном месте, все заняли свои места. Хидеки и Василий начали вводить команды в терминалы, Дзюнко и Мэйлань стояли рядом и смотрели вазу с тюльпанами, стоявшую у терминалов. Дзюхито, держа руки за спиной, холодным взглядом следил за развивающейся сценой. В зоне столкновения частиц замигали предупреждающие огни, лучи уходящего солнца пробивались сквозь окна и создавали впечатление, что всему миру скоро придёт конец. В здание доносились отголоски прощальной песни птиц. Когда все системы сигнализировали о готовности, Хидеки воодушевлённо крикнул: «Пуск!» и коллайдер заработал на полную мощность, разгоняя протоны, сталкивая их между собой.

— Нам потребуется вся антиматерия, накопленная ЦЕРНом для этого величайшего эксперимента! Можете помочь? — воодушевлённо кричал Хидеки. Дзюхито проронил скупую слезу, в голове у него звучало: «Он так похож на меня до того, как Айко погибла». Василий подбежал к другому терминалу и крикнул: «Загружаю всю антиматерию на разгон! Дай команду, когда нужно будет выпустить в основное кольцо!»

— Доктор Сунь, а что произойдёт, когда антиматерия столкнётся с обычной материей на такой скорости? — дрожащим голосом спросила Дзюнко у рядом стоящей учёной.

— Если я скажу тебе правду, ты не будешь бояться?

— Нет, не буду.

— Произойдёт аннигиляция. Столкнувшись, материя и антиматерия высвободят всю энергию, заключённую в них.

— Вы хотите сказать, что произойдёт взрыв? Мы погибнем?

В этот момент Хидеки крикнул: «Нет, всё будет в порядке! Энергия взрыва будет поглощена микроскопической чёрной дырой, одной из тех, что сейчас десятками испаряются из-за излучения Хокинга! Я столкнул несколько типов частиц сразу. Наша задача — выжать из установки всё, что возможно!» Словно пианист, слившийся с музыкой, которую он играет, оператор системы ускорителя лёгкими движениями рук вводил и передавал данные на распечатку. Дзюхито произнёс числа обратного отсчёта: 7:03:48:29. В это мгновение все осознали, чем занимаются. Василий и Хидеки крикнули: «Если современные теории верны, то произойдёт взрыв!» Дзюхито вмешался в ситуацию и подбежал к терминалам. Вводя команды, он указал частный сервер в качестве адреса отправки данных.

— Собери распечатки и беги на улицу! Убегай, как можно дальше! — скомандовал детектив, указывая на девочку-математика, тут же подчинившуюся приказу. Когда Дзюнко покинула помещение сектора Lambda-6, оставшиеся начали переговариваться.

— Итак, когда частицы столкнутся, у аппаратуры будет одно мгновение на пересылку данных.

— Запустим прямую трансляцию с камер, экранов... отовсюду?

— Возможно. Главное для нас состоит в том, что увидеть то, что покажут экраны в последнее мгновение.

— Пусть доктор Сунь побежит к Дзюнко.

— Женщины не должны видеть то, какой ужас здесь произойдёт?

— Почему же?

— Вы сказали Дзюнко покинуть помещение, а теперь хотите, чтобы доктор Сунь Мэйлань сделала то же самое.

— Я хочу, чтобы и доктор Петров последовал за ними. Если он останется с нами, то, при всём уважении, в силу возраста не успеет сбежать. Все ценные для расследования должны выжить.

Когда этого ожидали меньше всего, заговорил доктор Петров: «Убегайте все вы. Мой друг погиб здесь, а я уже отжил свой век. Я сам запущу столкновение и буду по рации сообщать вам обо всём, что вижу. Так будет лучше для нас всех». Хидеки сначала собирался поспорить, но затем быстро осознал, что это единственный вариант — альтернативы были самоубийством. Отодвинув ящик стола, Василий достал две рации, передав одну из них детективу, он прошептал: «До последней капли крови, до последнего вдоха». Следующую минуту все молчали — это была минута памяти ещё живого человека, который собирался пожертвовать собой во имя всего человечества.

— Пошли! — крикнул Петров, — Вон отсюда! Вон! — доносилось из сектора Lambda-6, когда Хидеки, Клаус, Михаил и Дзюхито неслись изо всех сил по коридору. Добежав до лестницы, детектив отдал математику рацию. Оказавшись на поверхности, Хидеки включил её и сообщил Петрову, что они уже на улице. На часах уже было 20:33. На улице стемнело, прохладный вечерний воздух успокаивал сердца тех, кто должен был бежать прочь от места встречи двух смертельных частиц и микроскопической чёрной дыры. Испытывая жжение в трахее, Хидеки не сбавлял скорости и не отставал от своих коллег. Вдали было видно то, как Дзюнко машет фонариком, встречая своих новых друзей. Подбежав к японской девочке, Дзюхито оглянулся — здание сектора Lambda-6 всё ещё стояло. Все находившиеся на улице, подняли головы и увидели небо, усыпанное звёздами. Трава вокруг становилась влажной, температура на улице понижалась. Все пребывали в умиротворении. Не было никакого загадочного объекта, вошедшего в Солнечную систему, не было чисел перед глазами, не было загадочных документов проекта «Глас Небес». Оставалось лишь звёздное небо над головой с бесконечным числом светлячков, бороздивших холодные океаны космической пустоты. Дзюнко произнесла: «Глядя на эту красоту, забываешь, кто ты. Земля уходит из-под ног, планета кажется такой крошечной, а Вселенная такой одновременно безграничной и маленькой, что способна уместиться у тебя на ладони». Девочка достала из сумки фотоаппарат и сделала несколько снимков неба, после чего переместила своё внимание на окружавших её людей. Спросив разрешения, она сфотографировала каждого, кто стоял рядом с ней.

— Вселенная напоминает мне кусок холодной бездны, заполненный светлячками, отчаянно пытающимися выжить, — грубо проронил Дзюхито.

— А мне, — отвечала Дзюнко, — она напоминает девочку, разглядывающую звёздные узоры своего кимоно. Она и сама не понимает, откуда берутся эти узоры. Она играет с галактическими ленточками, вплетёнными в её волосы, и смеётся. Эти ленточки — реки, подобные Небесной реке. Потом она замечает цветочки и насекомых, что их опыляют — это мы. Она заботится о цветочках и насекомых, оберегает этот хрупкий мир жизни, но даже она не в силах сохранить его, если он не захочет. То, что мы увидим, взглянув в её глаза, будет не её душой, а отражением нас самих. Она одинока, потому, лишь обняв её, мы сможем почувствовать её душу, согреть её своим теплом и добротой. А для того, чтобы сделать это нам нужно перестать бояться её, перестать бояться Вселенную, окружившую нас добротой и заботой. Мы должны принять себя и искренне радоваться даже самой маленькой и незначительной мелочи, как капелька воды, стекающая по стеклу.

— Разве Вселенная добра к нам? Это она отправила нам эти бедствия!

— Жизнь — это такая хрупкая штука, что сам факт того, что мы стоим здесь, уже является чудом.

Диалог детектива и девочки прервался голосом из рации: «Я жду вашего ответа!» Ещё раз взглянув на звёздное небо, Дзюнко попросила рацию у Хидеки. Когда рация вновь перешла из рук в руки, девочка сказала обречённому учёному: «То, что вы делаете, изменит наше представление о мире. То, что вы делаете, прекрасно. Мы вечно будем помнить вас. Вы станете цветком». Последняя фраза ошеломила Дзюхито. Он выхватил переговорное устройство из

рук Дзюнко и холодным, грубым голосом сообщил: «Мы готовы». Девочка и сама не знала, почему произнесла эту фразу.

Учёный начал докладывать о том, что происходит на детекторе Lambda-6. Лампочки, графики, предупреждающий писк. Антиматерия и материя разогнались до предельных для коллайдера скоростей. Последними словами доктора Петрова стала фраза: «Лишь бы это было не зря, и не больно». Щелчок кнопки и взрыв. Здание сектора Lambda-6 на вспыхнуло, как подожжённый магний. Оно вспыхнуло на одно мгновение и тут же погасло. Грохот разнёсся по всей округе. Земля содрогнулась. Стрекотание кузнечиков прекратилось, птицы поспешили покинуть проклятое место, время остановилось. Горящие обломки того, что раньше было ускорителем, стали напоминанием хрупкости достижений человеческой цивилизации. Взрыв, испаривший учёного-смертника, вызвал активацию всех возможных систем тревоги. Через полминуты после столкновения улица была залита какофонией сирен, кричащих о неисправности ускорителя частиц, который был венцом творения физики элементарных частиц, чудом инженерной мысли, на одно мгновение ставшим символом человеческой целеустремлённости и на веки вечные оставшимся памятником утраченных надежд и сотен погибших по всему миру математиков и физиков.

Дзюнко сфотографировала горящее здание и обратила внимание на то, что отсчёт ускорился. Она произнесла: 4:04:32:57. Михаил вынес приговор: «Конец света наступит раньше, чем планировалось. Ничего с этим не поделаешь».

— Такими темпами до конца света осталось всего ничего, — заключил Хидеки.

— Такими темпами он наступит через несколько минут! — с саркастичной тревогой отозвалась Сунь Мэйлань и вздохнула.

— Сейчас Боги поведают нам всё о своей воле, — произнёс Дзюхито. В этот момент начался звездопад, поразивший до глубины души исследователей, ожидавших конца света. Хидеки что-то записывал в свой блокнот и извергал факты про космос, Дзюнко фотографировала небо, Мэйлань восторженно смотрела на происходящее, Клаус наблюдал за окружающими его людьми, а Михаил и Дзюхито встретились взглядом и молчали, словно часовые на дальней границе, заметившие полчища вражеской армии. В это время звездопад продолжался. Сотни маленьких белых точек вспыхивали, пролетали маленькое расстояние и гасли. Напоминая снежинки, странное явление окутало своей холодной загадочностью сердца присутствовавших на вселенском спектакле людей. Сунь Мэйлань вспомнила горную деревню, в которой провела своё детство. Разглядывая вершины, вечно находящиеся во власти мороза, она представляла себя одной из падающих с неба снежинок, составляющих вихрь, внушающий благоговение перед силами природы, являвшими собой проявление хаотичности мира, который своим масштабом вызывал чувство упорядоченности даже тогда, когда невозможно было сказать, что произойдёт в следующую секунду. Заметив, странное движение на одной из далёких вершин, девочка прибежала домой и крикнула: «Смотрите, что там!» Белоснежная масса сносила всё на своём пути — лавина вбирала в свои пучины деревья, хрупкие давно забытые людьми строения, а также не сумевших спастись животных. Морозная стена смерти стремительным облаком врвалась в жизнь десятков зверей, вбирая в ледяные пучины всё на своём пути, в очередной раз ударяя по колоколу, своим звоном, провозглашавшим: «Ничто не вечно в этом мире». Когда природное бедствие прекратилось, Мэйлань ощутила нечто странное: вместо шока, страха и трепета перед силами природы пришло опустошение. Вселенная вновь очистила свой ум, оставив лишь мгновение, еле уловимое мгновение пустоты и безбрежной безмятежности. Когда лавина сошла, оставив позади разрушения, мир не погрузился в хаос — птицы продолжали свою песнь, люди не прерывали своих дел. Мэйлань созерцала истинную суть вещей, заключавшуюся в порождении хаоса порядком и порядка хаосом, в их взаимном поглощении и переливании друг в друга. Вернувшись в реальность, она увидела в падающих

звёздах те самые снежинки, из которых состояла первая увиденная ею лавина, что навсегда оставила морозный след в её сердце.

Глава 11. КОНЕЦ СВЕТА

2040-Й ГОД, 24-25 ИЮЛЯ

Холодный, как призрак, ветерок гулял по улицам Токио. Солнце уже взошло, своими пурпурно-розовыми лучами в жёлтом обрамлении возвещая о начале нового дня. Посмотрев на звезду, Акико увидела чёрные числа: 0:02:17:24. Теперь обратный отсчёт шёл в нормальном темпе: до момента неизвестности осталось чуть больше двух часов. Японка не могла поверить своим глазам — она не солдат, не физик, способный уничтожить мир экспериментом на ускорителе. Примерно такие мысли посещали её голову, она даже не подозревала, что именно в этот момент, или десятком минут ранее, в ЦЕРНе произошла катастрофа, о которой ещё не успели объявить. Быстро собравшись, она выбежала на улицу, но не заметила признаков беспокойства среди населения крупного города, продолжавшего жить так, словно ничего не происходило. Акико решила позвонить Со Ён. Приложив телефон к уху, она почувствовала небольшое жжение, которому не придала значения. Через несколько секунд связь установилась.

- Я должна тебе кое-что сказать!
- Доброе утро, Акико! Что случилось?
- Нам осталось два часа в худшем случае.
- Что? Почему?
- Посмотри на Солнце.
- Что? Тебя плохо слышно.
- Посмотри на Солнце!
- Зачем?
- Просто сделай это!

Со Ён подошла к окну и обратила свой взор на самый яркий объект, который только доступен человеческому глазу. Она увидела предвестник кошмара. Кореянка выбежала на улицу, но числа не пропали. Протирая глаза, она не могла поверить в происходящее.

- Возьми фотоаппарат и беги ко мне.
- Ты где?
- Жду тебя около своего дома.
- Зачем тебе фотоаппарат?
- Просто сделай, как я говорю! У нас мало времени — объясню тебе всё при встрече!

Обратный отсчёт сводил с ума Акико, не знавшую, как поступить. Минуты ожидания раскалёнными камнями проходили сквозь её сердце, вызывая боль в груди и головокружение. Присев на землю, Акико заметила, что уличная кошка уставилась на неё, как на нечто чужеродное, пришедшее не из этого мира. Дети, смеясь пробегали мимо, взрослые, уткнувшись в свои телефоны, не обращали внимания на мир, катящийся в бездну. Японка вспомнила то, как впервые встретила Акико. Это было на семинаре, посвящённом теориям устройства нашего мира. Акико рассказывала доклад и показывала изображения галактик, полученные телескопом имени Джеймса Уэбба. Засмотревшись на космическую красоту, она восторженно произнесла: «Эти изображения свидетельствуют о том, что галактики начали формироваться гораздо раньше, чем предполагали современные на тот момент теории. Это удивительно!» Последняя часть доклада была посвящена философии и человеку, решившемуся определить своё место во Вселенной. Эта глава доклада поразила Со Ён, которая была студенткой из Южной Кореи. После завершения семинара Со Ён и Акико начали обсуждать теории, бывшие предметом доклада. Через десять минут разговор перетёк в совершенно иное русло. Невозможно описать то, что описанию не поддаётся. Представьте, что вы болтаете со своей подругой обо всём, но ни о чём одновременно. Разговор захватывает все вещи, все темы, но при этом сделанные выводы тут же забываются в вихрях времени. Вы готовы болтать сутками, вам интересно и разговор

становится самоцелью. Так Со Ён и Акико подружились, узнав всё друг о друге, они договорились, что изменят мир науки. Для достижения этой цели Со Ён перешла на направление психологии, отказавшись от трудной для неё космологии. Акико в свою очередь получила два высших образования, чтобы суметь перебросить мостик между наукой о Вселенной и наукой о человеческой душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.